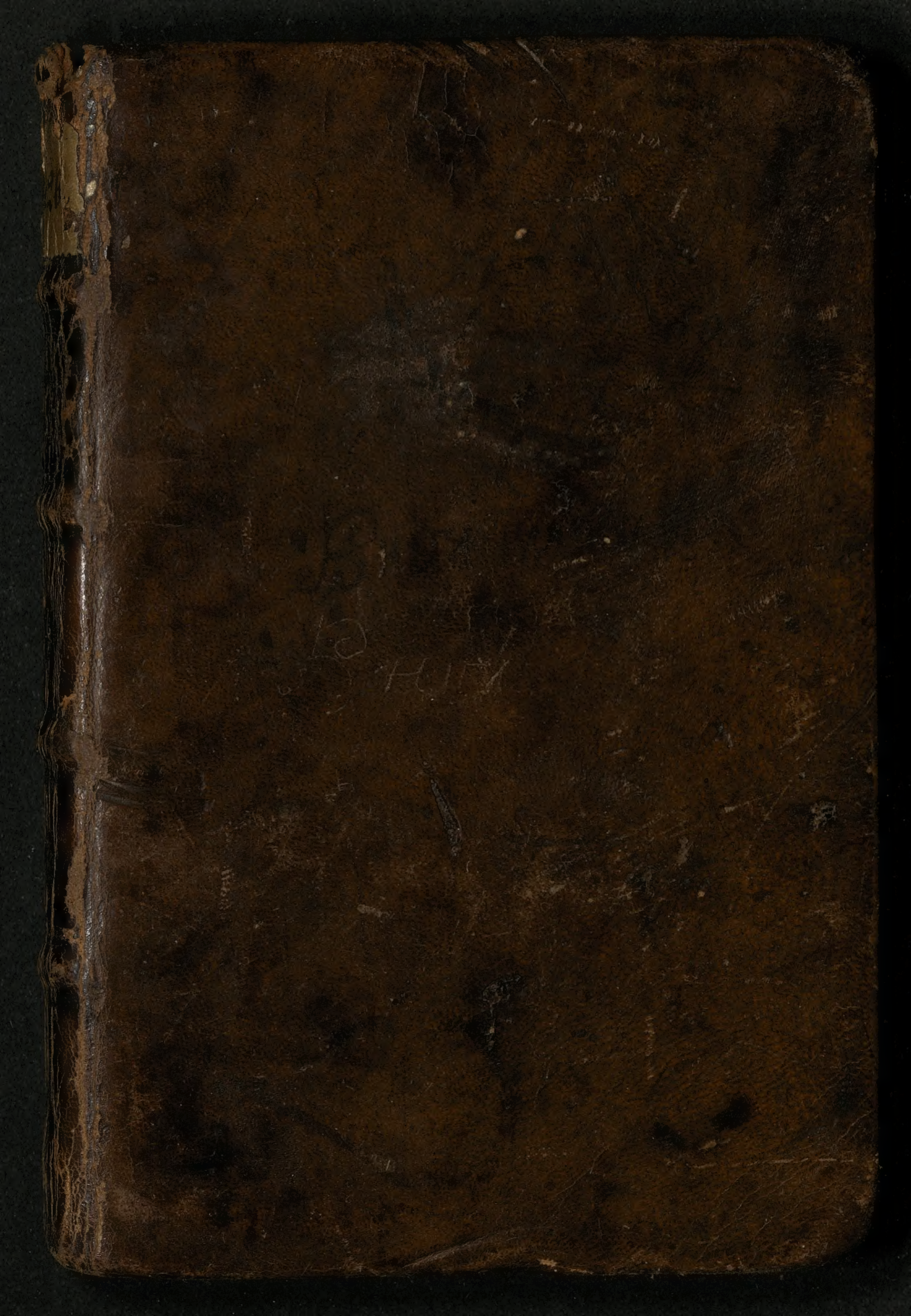
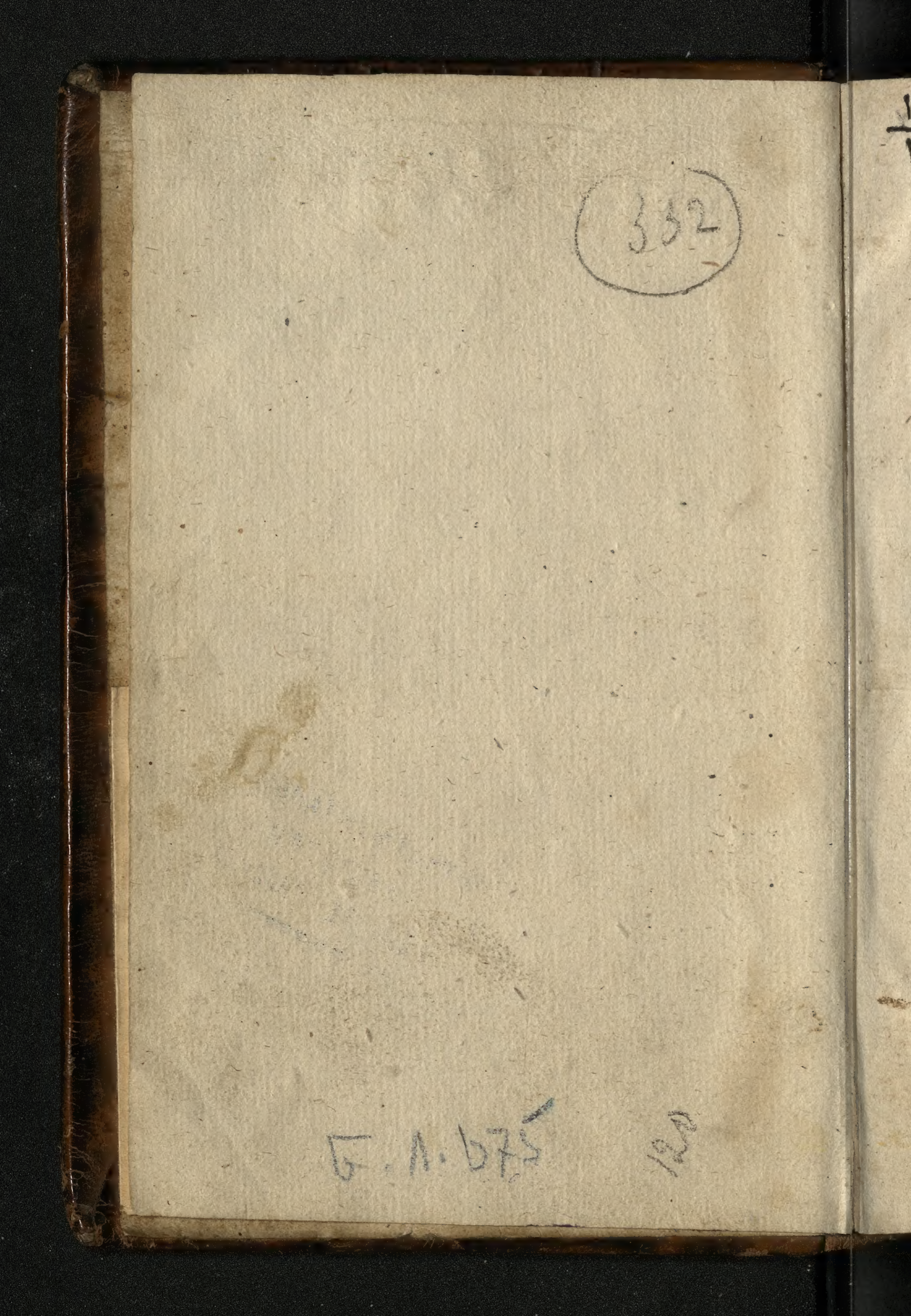

АПОФѲЕГМАТА

ТО ЕСТЬ

КРАТКИХЪ

ВИТІЕВАТЫХЪ

И

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫХЪ

РѢЧЕЙ

КНИГИ ТРИ,

въ нихъ же положены различные вопросы и отвѣты, житія и поступки, пословицы и разговоры различныхъ древнихъ Філософовъ.

переведены

съ польскаго на славенскій языкъ.

Противъ перваго изданія третьимъ тисненіемъ напечатаны

въ санктпетербургѣ
1745. года.

КРАТКИХЪ РѢЧЕЙ И ОТВѢТОВЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

СОКРАТОВО УЧЕНІЕ.

Еблагороднаго человѣка дѣло, еже въ очи кого хвалить, а за очи хулить.

Человѣка разумнаго знакъ, ежебы никого до бѣды не привесть.

Доброта безъ разума пуста.

Еже тебѣ есть отъ имѣнія, то такъ держи, чтобъ чужаго не захватывать.

Побѣда безъ бою, невелика слава.

Лакомой безъ прибыли, всегда въ убыткѣ.

Больше вѣрь очамъ своимъ, неже рѣчамъ чужимъ.

Мнози такови суть, иже свое истерявъ, чужое похищаютъ.

Сыну послушну приказъ отцовской нетяжекъ.

Жена добрая рада за мужа умереть, а ѕлая рада его скоряе уморить.

И того ради одному съ женою утѣха и радость, а другому плачь и велія мука.

Другу такъ добро дѣлай, чтобъ тебѣ безъ убытка было.

Сократъ умирая, такое сотвори къ богу послѣднее свое прошеніе.

Создателю всѣхъ, духъ и премудросте, тебѣ душу мою предаю.

ПЛАТОНЪ мудрецъ Аѳинейскій, ученикъ Сократовъ, иже перво званъ бысть Арістонъ, потомже отъ широты грудей Платонъ [то есть широкій] прозванъ бысть. Иніи же отъ пространныя рѣчи имяновали его, занеже всѣхъ человѣкъ Сократовымъ ученіемъ и смысломъ превзыде.

Сей вопрошенъ, коимъ образомъ по себѣ память оставить. Отвѣща:

Подобаетъ прежде сподобитися добрыя славы, да будеши людьми почитаемь, тѣмъ память по тебѣ останется.

Трижды на всякъ день обыклъ бога благодарити, яко родился человѣкомъ, а не скотомъ, яко еллиномъ, а не отъ варварска народа, и яко въ лѣта Сократовы.

Распалаемымъ отъ гнѣва и пьянымъ совѣтова, дабы въ зерцалѣ смотрилися,

либо

либо бы гнусность свою увидя, могли престати отъ нея.

Гнѣвливый человѣкъ ѕѣло безображенъ, егоже описуетъ стіхотворецъ сице:

Уста напряжены отъ гнѣва чернѣютъ, очи полны крове и жилы синѣютъ.

Нѣкогда разгнѣвался на своего челядника невольнаго; и хотѣлъ его бить нещадно, тогдаже прилучившуся ученику его Ксенократу, рече Платонъ: иди даждь ему раны, я его наказать не хощу, разгнѣвахся бо.

Нѣцыи больши въ то время гнѣваются, егда наказуютъ своихъ; а Філософъ самъ себѣ не вѣрилъ, опасаяся, чтобъ отъ ярости въ наказаніи мѣру не потерялъ.

Егда паки слуга провинился, погрозилъ ему онъ, рекій: естьли бы я не разгнѣвался, то побилъ бы тебя.

Хотящимъ отъ него увѣдати, что разности межъ ученымъ и неученымъ.

Отвѣща: Такова̀ разнь, какова̀ межъ лѣкаремъ и больнымъ.

Антістена, егда о чемъ рѣчь зачиналъ, всегда долгою рѣчью упражняющагося сице оговаривалъ: не вѣси ли, яко мѣру твоей рѣчи той полагаетъ, кто слушаетъ, а не той, кто говоритъ.

Всякому творящему рѣчь, подобаетъ примѣнятися къ слушателемъ, кто не хочетъ на вѣтръ говорить. Понеже стоскнувся слышатель, не таково со вниманіемъ слушаетъ, хотябы кто и лучшія вещи долго сказывалъ.

Просящимъ Кірінеаномъ, дабы законы имъ предалъ, не восхотѣ предати, повѣдая: не возможно про таковыхъ людей законы уставляти, которые о себѣ много разумѣютъ и высокомудрствуютъ.

Платонъ, занеже бѣ человѣкъ ѕѣло разума остраго, уставы написа нѣкіимъ народомъ, се есть: Сіракусіанамъ, Крітянамъ и инымъ, якоже Солонъ Аѳинянамъ, Лікургъ Спартянамъ, но Кірінеанамъ отречеся, видя ихъ быти высокія мысли.

Нѣкоему Філософу, иже его, аки смѣяся, вопросилъ: долголи учитися восхощетъ, отвѣща: донелѣже не будетъ жалъ быть лучшимъ и ученымъ.

Простакъ въ стыдъ почитаетъ учитися въ заматерѣвшемъ вѣку, а Філософъ во весь свой вѣкъ въ добродѣтеляхъ и въ ученіи прибавку имѣти тщится.

Сей Платонъ бѣ человѣкъ добродѣтеленъ ѕѣло, и плотская возжелѣнія имѣ въ себѣ умерщвленна, иже училъ

человѣку не боятися смерти, сіе же и во обычаи вниде Філософовъ, смерти не боятися, вящшая бо есть премудрость размышляти о смерти, занеже сугуба есть смерть человѣческая, едина естественная или природная, а вторая отъ добродѣтелей происходящая. Природная есть, егда душа отъ тѣла разлучается: вторая есть, егда человѣкъ премудростію своею вся тѣлесная возжелѣнія побѣждаетъ, и отъ себя прочь отрѣваетъ.

Вопрошенъ, въ чемъ знать возможно премудраго; рече: разумный егда обесчещенъ бываетъ, не гнѣвается; егда хвалимъ бываетъ, не возносится.

По чему люди познаваеми бываютъ;

Отвѣща: Людей и сосуды скляничные единаче познаваемъ: скляничный сосудъ по звуку, а людей по рѣчамъ.

Чемъ бы всегда довольствоватися;

Отвѣща: Лишняго кромѣ нужнаго не желалъ бы, да не будетъ льстецъ чій.

Кто отъ людей крѣпчайшій; рече:

Иже гнѣвъ свой одолѣваетъ, той слабѣе, иже ничего не можетъ въ себѣ утаити.

Да и тотъ крѣпокъ, иже нищету свою умѣетъ покрыти. Сей же воздер-

жательнѣйшій, иже довольствуется тѣмъ, что ѕлыхъ людей нравы сносити можетъ.

Коихъ бы странъ человѣку беречися;

Отвѣща: не буди тамо, идѣже гордость владѣетъ, а ложъ въ юныхъ царствуетъ.

Хотящій Князю своему угодити, во всемъ воли его послѣдуй, а у благоразумнаго милость сыскати, то на непристойное дѣло не соизволяй.

Свѣтъ тогда можетъ щастливъ нарещися, егда начальниковъ разумныхъ люди избирать будутъ.

Немогій управити живота своего, иже ему есть единъ, како имать управити многихъ.

УЧЕНІЯ ЕГО СІЯ СУТЬ:

Всякія мудрости основа терпѣніе.

Злые нравы портятъ добрыя дѣла.

Терпѣливъ быть не можешъ, дондеже воли своей не одолѣешъ.

Повѣда, яко душа его о трехъ вещахъ скорбѣла, о богатомъ тщивомъ, въ нищету пришедшемъ, о разумномъ, разума лишенномъ, и о честномъ въ безчестіе приведенномъ.

Гордаго презирай, дондеже гордости лишится.

Местъ

Месть всегда зла есть и вредительна.

Подобаетъ начальнику быти инакову отъ людей, аще бо однаковъ будетъ, ни во что его вмѣнятъ люди.

Аще не вдаситъ отецъ сына учитися отъ юности добрыхъ нравовъ, таковъ не имать наслѣдити достоянія отца своего.

Великосердъ есть, иже нищетою тяготы не пріемлетъ.

Лучше по смерти непріятелю имѣніе свое оставить, неже въ животѣ у пріятеля чего просить.

АРІСТІППЪ мудрецъ Кіринейскій, ученикъ Сократа Філософа, вопрошенъ былъ Діонісіемъ мучителемъ, что Філософи имутъ лучшее паче прочихъ человѣкъ.

Отвѣща: Аще бы и всѣ законы изчезли, обаче бы люди такіе правдою жили.

Подвластный человѣкъ удерживается отъ порока, боякся острoты закона; а разумніи кромѣ закона, что есть безгодное, того бѣгаютъ.

Тойже вопрошенъ, почто Філософи часто держатся у людей вельможныхъ, а вельможные едва когда навѣщаютъ

ихъ; Отвѣща: Философи вѣдаютъ чѣмъ они скудны, а вельможные нетако.

Говаривалъ часто, много лучше быти нищимъ, неже глупымъ: ибо тотъ скуденъ токмо деньгами, а сей лишается иногда и о́браза человѣчья.

Совершенно человѣку приличенъ разумъ, ученіе и разсмотрѣніе. Сія кто и́мать, аще и вельми есть нищь, обаче человѣкомъ есть, не имый же сего, едва нарицатися можетъ.

Вопрошенъ, что ему корысти изъ Філософіи; отвѣща: Та мнѣ корысть, что всякому безопасно правду могу говорить.

Філософъ истинный не боится смерти, и могутственному правду говорить можетъ, ни опасается милости лишитися, говоря правду: есть бо человѣкъ свободенъ, нечеловѣкоугоденъ.

Услышавъ отъ нѣкоего въ томъ хуляща філософы, что къ людемъ богатымъ учащаютъ, сице отвѣща: Лѣкари къ больнымъ часто ходятъ, однако ни единаго тако́ва нѣтъ, который бы похотѣлъ быть боленъ, но всякъ Лѣкарь быть хочетъ.

Отъ нѣкоего хотящаго вдати ему сына въ наученіе, просилъ 500. драхмъ сребра, отецъ же удивился о многопрошаемѣй

прошаемѣй цѣнѣ, и рече: азъ бы невольника дешевле цѣною могъ купить: Арїстиппъ отвѣщалъ: сына, егда научится, будеши имѣти два.

Стряпчей нѣкто ходилъ въ судъ за Арїстиппа оклеветаннаго, и оправдалъ его.

По семъ свое ученїе стряпческое паче Фїлософїи вмѣняя, рече ко Арїстиппу: кая ти прибыль отъ ученїя Сократова, аще бы азъ не былъ, то обвиненъ бы ты былъ; онъ же отвѣща: та мя есть прибыль, яко рѣчь, которую отъ меня ты говорилъ въ судѣ, бѣ права, и по сему мою невинность узнали, яко человѣка добраго.

Стряпчей того не можетъ учинить, чтобъ правъ былъ въ неправдѣ, только можетъ представить, дабы и людемъ такъ казалось, а Фїлософїя то содѣваетъ въ человѣкѣ, что самымъ дѣломъ будетъ правъ и невиненъ.

Обличали его, что у друзей часто деньги емлетъ, сице на то отвѣщалъ: азъ не сего ради у друзей деньги беру, дабы на мою токмо нужду ихъ истерялъ, но того ради, да научатся отъ меня, на что деньги изживать надобно.

Нѣкогда купилъ себѣ куропатъ за пять ефїмковъ, нѣкто же ему то въ

лакомство вмѣнилъ, рече ему: ты не купилъ ли бы когда была по грошу; емуже рекшу, добрѣ бы радъ дешево купилъ, и Арістіппъ отвѣща: у меня въ такой цѣнѣ пять ефімковъ, въ какой у тебя грошъ.

Філосоfа обличали лакомствомъ, а онъ явилъ, что нелакомство въ немъ было, но презрѣніе денегъ, кто дороговли ради не покупаетъ того, что охотнобъ у себя видѣлъ, тотъ не для того то чинитъ, дабы былъ воздерженъ, но для того, что ему денегъ жаль.

Иногда вопрошенъ отъ нѣкоего, чимъ имѣлъ быть лучши сынъ его, когда бы его отдалъ въ наученіе; тако отвѣщалъ: естьли больши и ничего не будетъ, однакожъ не будетъ въ зрѣлищи сидѣть, аки камень на камени.

Много тотъ имѣетъ паче иныхъ, кто аще и мало вкусилъ ученіе, за еже скоряе всякое дѣло поиметъ и на достоинство сгодится.

Вопрошенъ, чѣмъ разнится ученый отъ неученаго, сказалъ: пусти обоихъ купно все отъ нихъ отобравъ, нагихъ въ незнаемые люди, и тогда удобно разсудишъ.

Обличаемъ былъ въ томъ, что въ своемъ дѣлѣ къ суду стряпчего употреблялъ

треблялъ нанявъ его, а самъ Философъ, даде отвѣтъ, нѣчему дивитца, и пиръ бо когда хочу имѣти, повара найму.

Поліенъ мудречикъ вшедъ въ домъ Арістіпповъ, и узрѣвъ жены красноучрежденныя, и пиръ иждивеніемъ уготованъ, начатъ обличати Арістіппа о роскоши, глаголя: сіе нѣсть Философу прилично. Арістіппъ смолчалъ ему перво, аки не слышавъ, потомъ мало помѣшкавъ, рече къ нему: мочноль тебѣ сего дни съ нами помедлить; онъ же не отрекся, рече ему Арістіппъ, почто же хулишъ нашъ пиръ тѣмъ дѣломъ; не то тебѣ негодно, что богато убрано, но что денегъ много изошло.

Походило нѣчто на лицемѣріе пиръ честный похулить, а съ него не ити, таковыхъ Поліеновъ и нынѣ много.

Вопросилъ его Діонісій Король Сіцилійскій, почто оставивъ Сократа Философа, пришелъ до Сіциліи; отвѣща: тоя ради вины, дабы еже имѣю, то инымъ удѣлилъ, а еже нѣсть у меня, то у иныхъ бы взялъ.

А иніи пишутъ, тако ево отвѣщавша: Егда требовахъ премудрости, тогда медлилъ при Сократѣ, нынѣ же егда востребовахъ денегъ, къ тебѣ пріидохъ.

Случися,

Случися, яко рече ему Король Діонісій, да скажетъ что отъ Философіи; на то Арістіппъ отвѣщалъ, и то чудо, что желаеши да повѣмъ отъ Философіи, а есть ли бы я учалъ говорить, то бы самъ меня наказалъ. О чемъ Король разгнѣвався, сѣдя у стола велѣлъ Арістіппу при самомъ заднемъ концѣ сѣсть. Онъ же нимало о томъ поскорбѣ, точію рекль: нынѣ Королю почтилъ еси то мѣсто, и честно сотворилъ оно.

Малоразсудныи ищутъ мѣста, а разумный не смотритъ на то, понеже малоразсуднаго, хотя бы онъ и близко сидѣлъ, обносятъ, а разумнаго и въ углу видятъ.

Въ нѣкое время попросилъ у Діонісіа таланта сребра, Король же сыскавъ время уловити его, рече: сказалъ ты, что Философу ни въ чемъ скудно не бываетъ;

На сіе отвѣща Арістіппъ, дай только, потóмъ будешь претить о томъ. Егдаже ему даны были деньги, рече Арістіппъ: не правду ли я рекъ, что Философа не извиметъ скудость.

Единожды случилось ему плыти моремъ, и узрѣвъ, что корабль тотъ разбойничей, иже на мори людей разбиваютъ, и уразумѣвъ, что о немъ шепчютъ,

шепчютъ, взявъ онъ червонные золотые, и бутто учалъ считать, упустилъ ихъ въ море съ мѣшкомъ, бутто ненарочно, и такъ своимъ языкомъ молвилъ: лучше пропади отъ меня злато, нежелибы я пропалъ отъ злата, и тѣмъ ушелъ рукъ разбойничьихъ.

Потóмъ, какъ ему много надавали денегъ, пошелъ въ путь, егдаже слуга отъ жару и отъ тягости не молъ несть, рече Арістіппъ: что сможешъ то неси, а досталь на пути броси.

Повелѣ иногда Діонісій привести предъ него три жены красны, давъ ему на волю, да юже восхощетъ изберетъ.

Онъ же принявъ всѣ три, отвелъ ихъ на переходы, и отпустилъ ихъ, рекій: ни Парісу безбѣдно бѣ едину паче другихъ избрати.

О Парісѣ Королевичѣ Троянскомъ пишутъ, яко три [по ихъ тогда ѕловѣрству] богини; Юнона, Минерва и Венера дались на разсужденія его, кая изъ нихъ лучши. Обѣщающеи же первой ему царство, второй премудрость, третіей красную жену. Онъ же Венеру похвалилъ лучше, которая обѣщаніе свое исполнила, исходатайствовавъ ему Елену; отъ которой потóмъ и Троя раззорена бысть по гнѣву Юноны и Минервы;

Минервы; о чемъ кто хощетъ, чти басноторца.

Нѣкоему ѕлословящу его, молча иде прочь отъ него, оному же за нимъ въ слѣдъ гонящу, и глаголющу: что бѣжиши, и почто; рече Арїстїппъ, того для, что ты имѣеши силу злая глаголати, азъ же имамъ мочь того не слушати.

Въ нѣкое время молилъ Дїонїсїа за нѣкоего друга, видя же яко Король опинается, Арїстїппъ нача его ноги лобызать, и тако улучи о немъ же бѣ просяй, то въ немъ нѣкїимъ хулящимъ, яко не лѣть бяше то Фїлософу. Отвѣщалъ: не меня вините, но Дїонїсїя Короля, иже имать уши у ногъ.

Случися ему кораблешествующу въ Корїнѳъ, воста велїя буря на мори, и мало не разбитися кораблю, въ томъ страху и Арїстїппъ поблѣднѣлъ, то видѣвъ единъ отъ корабленникъ [морю утишившуся] рече: почто вы Фїлософы, аще и твердите смерти не боятися, обаче бѣдѣ случшейся, пужаетеся паче насъ; на сїе тако отвѣщалъ: сїе въ томъ есть, яко намъ есть не о единой души слово.

Я пужаюся о здравїи Арїстїппа человѣка чести достойнаго, а ты не пужаешся о здравїи плута. Въ

Въ нѣкое время Арістиппъ иде мимо Діогена, той же бѣ устрояя салатъ, тогда Діогенъ рече Арістиппу, аще бы ты научился сію ядь вкушати, никогда бы мучителю работалъ, а за еже можешъ служити, буди невольникъ, а мнѣ лучши простыя яди употребляющу быти вольному, паче укусныхъ въ неволѣ.

АНТІСѲЕНЪ Філософъ ученикъ Сократовъ, единъ путь къ безсмертной славѣ являлъ, се есть житіе благочестное и праведное.

Вопрошенъ бывъ, что человѣкамъ можетъ приключитися всѣхъ щастливѣйшее. Сказа: всѣхъ щастливѣйшее есть въ щастіи умереть.

Тойже повѣда яко любовь братская крѣплши есть, паче всѣхъ крѣпчайшихъ стѣнъ.

Онъ же вопрошенъ, что знаменуетъ паденіе коему государству; рече: Егда въ немъ разны злобы, а добра нѣтъ.

Не можетъ тамъ щастливо общенародіе быть, гдѣ ни добрыхъ честятъ, ни ѕлыхъ казнятъ.

Ибо яко почтеніемъ благихъ добродѣтель возрастаетъ, а ѕлоба наказаніемъ исчезаетъ, тако противнымъ

обычаемъ

обычаемъ отъ малопочитанія доброта слабѣетъ, а злоба силѣетъ.

Обыкъ глаголати, яко желѣзо ржа снѣдаетъ, тако завистливыи сами сохнутъ отъ своего яда.

Онъ же вопрошенъ, кое ученіе всѣхъ потребнѣйшее; сказа: зла отлучитися.

И сіе глагола, яко человѣкъ разумный не по закону и уставу людскому живетъ, но по правотѣ добродѣтели.

Вопрошаемь, чесо ради мало имяше учениковъ, отвѣща: занеже отгоняю ихъ серебряною лозою отъ себя, являя яко за малую мзду не хотяше учити кого. Возвѣщено бысть ему, что нѣцыи отъ злыхъ хвалятъ его, на то отвѣща: боюся, да некако не осмотрѣвся въ чемъ злѣ поступихъ по пословицѣ:

Отъ злыхъ хвалиму, есть то, хулиму быть.

Нѣкто отъ юношей возлюбивъ Антістена обѣща ему вспомогательство учинить, кой часъ корабль съ торгомъ пріидетъ, Антістенъ же взявъ его съ собою на торгъ, и повелѣлъ насыпать коробъ мукѝ, самъ отъиде прочь, торговкѣ же начеишей просити денегъ, показа ей онаго юношу, глаголя: сей тебѣ заплатитъ, егда корабль пріидетъ.

Являя напрасно кого обѣщаньми кормить, потому, что хлѣбъ и иное запасное на деньги купятъ.

Много и нынѣ такихъ, что много обѣщаютъ, а мало даютъ, хотя и вѣдаютъ, что на торгу за слова не продаютъ.

Случися ему купить харчу, и самому нести съ торгу, всѣмъ удивляющимся рече къ нимъ: что дивитеся, себѣ то несу, а не иному кому, про себя работать нѣтъ стыда.

Нѣкоему рекшу, многїе тя хвалятъ; Отвѣща: что ѕло сотворихъ.

Повѣда, яко люди добротнїи избираютъ себѣ предстателей и заступниковъ сильныхъ и праведныхъ, а ѕлїи противно.

И сїе вѣщаше, яко добродѣтель есть оружїе не отъемлемо.

Онъ же обличаемый: почто своя ученики жестоко наказуетъ, отвѣща: и лѣкари подобнымъ образомъ съ больными поступаютъ. Докторы хотяще недугъ тѣлесный отдалити, много претятъ больнымъ, много даютъ неукусныхъ лѣкарствъ, а во время сѣкутъ и пекутъ, подобно и разумъ лѣча надобно претерпѣть по писанному.

Тѣло лѣча, желѣзо и огнь претерпиши, въ уста отъ жажды воды не впустиши.

Да будеши здравъ сердцемъ, жестокая принимай, повелѣваемое творить не отрѣвай.

АРІСТОТЕЛЬ у Платона слушалъ Філософіи 20. лѣтъ, и Філософъ бѣ честенъ, Александражъ Великаго учитель, той вопрошаемый: кая бы ему была прибыль изъ Філософіи; отвѣща: Азъ то творю охотою, что прочіи творятъ, опасаясь жестокаго закона.

Онъ же обличаемый: яко даде милостыню ѕлому человѣку; рече: не ему дахъ, но его человѣчеству.

Вопрошенъ: каковымъ намъ подобаетъ быть къ друзьямъ своимъ; отвѣща:

Таковымъ, каковыхъ хочемъ имѣти ихъ къ себѣ.

Тотъ же вопрошенъ: что скоро старѣешся; отвѣща: любовь, милость.

Часто пріятелемъ своимъ и друзьямъ говаривалъ, также и ученикамъ:

Якоже зракъ пріемлетъ свѣтъ, тако человѣкъ отъ ученія:

Ученый бо скоро видитъ, что за чемъ идетъ, а человѣкъ безъ ученія аки слѣпъ, не увидитъ, что мѣшаетъ, не посте-

постережетъ, что за чемъ идетъ.

Повѣда: яко ученія корень горекъ, но гроздъ и плодъ сладокъ.

Всякое ученіе принимать досадно, а научась на свою красоту употребляти и къ общему благу, вещь есть sѣло благопріятна.

Вопрошенъ: чимъ разнится умный отъ глупаго; отвѣща: яко живый отъ мертваго.

Въ бесѣдахъ глаголаше: ученіе въ щастіи человѣку красота, въ нещастіи прибѣжище. Имѣяй ученіе нещастію нападшу, имать къ чему прибѣгнути, якоже Діонисій Король Сіракузскій мучительства ради съ престола сверженъ и вонъ изгнанъ, и понеже бѣ разуменъ во ученіи, дѣтей учаше въ Корінѳѣ, и тѣмъ питался; не учивыйся же во время напасти не умѣетъ ни за что приняться, и для того нужду терпитъ.

Вопрошенъ иногда: лживіи человѣцы кое пріобрѣтеніе имѣютъ отъ всея лжи, на сіе отвѣщалъ: сія пріобрѣтаютъ, яко ащебы времянемъ и правду сказывали, то имъ не повѣрятъ.

Также вопрошенъ: что есть пріятель; отвѣща: есть едина душа въ двух тѣлесѣхъ.

Онъ же повѣда: яко нѣцыи суть тако скупи, аки бы имъ здѣ вѣчно жить, иніи же щедри, аки бы имъ утре умереть.

Хотящимъ отъ него вѣдати: что есть надежда; на то отвѣщалъ: ничтоже ино есть, токмо сонъ человѣка неспящаго.

Достигъ штидесять дву лѣтъ ѕѣло разболѣлся, яко малои надеждѣ быть да оздравѣетъ, снидошажеся къ нему ученики его, да наречетъ кому на мѣсто его взыти по немъ; отъ среди же слушателей его быша два лучшіи, Ѳеофрастъ Лезвянинъ, и Менедемъ рожденіемъ острова Родіса: Арістотель обѣща сотворити о прошенныхъ время усмотрѣвъ. Помалѣ же времяни всѣмъ о томъ дѣлѣ къ нему сошедшимся, рече: да ему сыщутъ віна, которое привозятъ изъ Лезвы и Родіса, принесену же бывшу, вкусилъ родійскаго, рече: крѣпко по истиннѣ віно и укусно; потомъ вскорѣ вкусилъ и Лезвійскаго, и рече: обое добро, однакожъ укуснѣе Лезвійское. По симъ словесамъ всякъ уразумѣлъ, яко избралъ себѣ въ наслѣдника Ѳеофраста, а великое въ томъ содѣялъ разсужденіе, яко обоихъ похвалилъ, оставляя слушателямъ вольное избраніе, и свою волю обьявилъ, кого намѣстникомъ имѣти восхотѣ.

ПРИТЧИ БЛАГОРАЗУМНЫЕ АРІСТОТЕЛЕВЫ.

Самъ себе ни хвали ни хули, аще бо имаши хвалитися, ничтоже будеши, аще хулитися, кощунна себе сотвориши, Слѣпъ можетъ ли кому путь показать, или нищъ кого обогатити, безчестенъ како можетъ почитанъ быти, гнѣву подобаетъ быти вмѣру, наглый бо есть, кто волчья обычья, а мягкій, кто дѣтскаго.

Немогій добра творити, да блюдетъ себе отъ зла, яко злато огнемъ, тако человѣкъ дѣлы искушенъ бываетъ.

Знакъ человѣка добраго: умѣть безвремянье терпѣти, ѕла никомуже творити, творяй бо кому что неправедное, самъ на себе клятву налагаетъ.

Въ щастіи не возможно познать друга, а не въ щастіи въ томъ часъ.

Чудися Арістотель двоему роду человѣческому, яко одни суще лукави, похваляеми же о томъ веселятся, друзіи же блази, хулими не гнѣваются.

больши честь подобаетъ учителемъ юныхъ учащимъ, неже родителемъ.

Отъ родителей бо рожденіе точію имутъ, а отъ учителей добродѣтель и житіе доброе.

Слышавъ нѣкоего хвалящася, яко родомъ бѣ града великаго, на то рече:

не подобаетъ смотрѣти откуду кто родомъ, но какова мѣста и сана достоинъ.

Аѳинянъ часто порицаше, яко много поставили законовъ добрыхъ, однакожъ лукавства сверьхъ уставовъ употребляли.

ѮЕНОКРАТЪ ученикъ Платоновъ, [егда ему Алеѯандръ Македонскій великое число денегъ послалъ] лише трехъ гривенъ Греческихъ не взявъ, назадъ все отослалъ, рекъ: больше Царю надобно, у негоже и росходъ больши.

На пиру бывая молчалъ, инымъ много глаголющимъ, вопроси же его: чесо ради тако твориши, сице отвѣщалъ: яко въ нѣкое время каяхся о словесѣхъ моихъ, ихъ же глаголахъ; а егда молчахъ, то никогда еще не раскаялся. Вдаватися въ лишнюю рѣчь не безбѣдно, за еже человѣцы рѣчью къ страшнымъ дѣламъ приходятъ, ихже бы чужди были, аще бы молчать умѣли.

Ѯенократъ нѣкоему многорѣчиву глагола: слушай много, говори мало, даде бо намъ природа два уха, а однѣ уста.

УЧЕНІЕ ЕГО.

Въ началѣ чти бога, потомъ родителей. Всякому твори правду. Аще ѕлѣ судиши, богъ тебя осудитъ потомъ. Нищеты не презирай, чистоту соблюдай, а паче всего вѣрность. Мѣру праву имѣй, и никово въ ней не обиди. Не кленись вѣдавъ или хотѣвъ, таковъ бо человѣкъ богу мерзокъ есть. Проклятъ, иже мзду наемничью удерживаетъ, или бѣднаго отягощаетъ.

ДІОГЕНЪ Кінікъ, ученикъ Антісѳеновъ. Сице нареченъ Кінікъ, за еже бѣ скверныхъ обычаевъ и его подражатели, обаче его скверное умышленіе, преодолѣ естественный стыдъ, бяху бо потомъ ему въ великой ненависти.

Узрѣвъ нѣкоего кропящаго водою чистителною, рече: о буй человѣче, егда противно что граммаmікѣ речеши неправильно, и того водою очистити не можеши, а ѕлая дѣла и грѣхи кропленіемъ ли избыти хощеши.

Оле ѕѣльнаго имовѣрства, яко страшный грѣхъ убійства, рѣчьною мните очистити водою,

Тойже въ нѣкое время зажегъ лучь во дни хождаше по торгу, аки ища чего, вопрошенъ же, чего ищетъ; рече:

 человѣка

человѣка ищу, являя, яко не возможно человѣка и въ великомъ множествѣ сыскать.

Егда бесѣдова о великихъ дѣлахъ, а слушати его не восхотѣша, тогда онъ запѣлъ пѣснь шпынскую, абїе же множеству людей стекшуся, хотящїи со тщанїемъ послушати его, рече: на бездѣлицу полка́ми бѣжите, а вещей нужныхъ къ щастливому житїю слушать не хощете.

Стряпчихъ, ихже въ великои чести Аѳиняне имѣли, называлъ слугами черни для того, что нудятся говорить по ихъ волѣ и лицемѣрить, еже невольникамъ точїю прилично.

Позванъ бывъ на пиръ, не восхотѣ. Вопрошенъ же о причинѣ, рече: и вчера быхъ на пиршествѣ, а благодаренїя мнѣ не учинили за то.

Обычный человѣкъ въ велико себѣ почитаетъ, имѣти кого у себя на пиру, и хочетъ, дабы кланялись ему, но Дїогенъ противнымъ обычаемъ чаялъ, яко ему должни были кланятись, яко пированїю присѣдяше, и разумными повѣстьми своими много добра возмоглъ принести гостямъ.

Алеѯандръ Великїй хотя его видѣти, иде къ нему, егоже засталъ сѣдящаго

щаго въ кади, тамо съ нимъ бесѣдовавъ много, рече ему: да проситъ его, о чемъ восхощетъ, Діогенъ рече: ни о чемъ молю, токмо не отъемли отъ мене того, чего мнѣ дати не можешъ, то есть не заслоняй солнца.

Повѣдаютъ, яко Алеѯандръ глагола ему: вижу, яко много требуеши, того для готовъ есьмь ти азъ вспомогательство учинить, на сіе онъ рече: не вѣмъ кто отъ насъ больши требуетъ, азъ ли, иже лишше епанчи да сумы, имѣти не желаю, или ты, иже, не довольствуяся царствомъ отцовымъ, во многи и великія бѣды вдаешися распространенія ради государства, и едва не кажется, что и всего свѣта тебѣ мало.

Нѣкто отъ бѣгуновъ хотящій своею бѣглостію похвалитися, тѣмъ образомъ мудрствовалъ, что азъ есмь человѣкъ, убо Діогенъ нѣсть человѣкъ.

Противу того Діогенъ ему такъ заплатилъ: начни де отъ меня то изъвожденіе [аргументъ] и имаши имѣти произвожденіе доброе, по чему Діогенъ есть, потому нѣсть сей круговой: Діогенъ есть человѣкъ, убо и круговой нѣсть человѣкъ. На рѣчь круговую и вопросъ лукавъ, не всегда подобаетъ отвѣщати, для подхватовъ

во время добро такъ быть, какъ глаголютъ.

Вопрошенъ: когда время лучшее ясти; таковъ далъ отвѣтъ: богатому тогда лучше ясти, егда похощетъ, а бѣдному когда можетъ.

Дровоносъ нѣкій нося нѣчто долгое, и Діогена минуя, зашибъ мало его въ голову, и по обычаю молвилъ: берегись, Діогенъ же обозрѣвся рече ему: что не сызнова ли хочешъ ударити, подобало прежде времяни молвить, берегись, а не ударивъ. Такожде случилось ему, что въ другорядъ зашибъ его, молвилъ берегись, противу онъ палкою ударивъ ево въ лобъ, молвилъ, берегись.

Нѣкій Мідій ударивъ по ланитѣ Діогена, и даде ему тотчасъ по уставу ударное, на утріи Діогенъ встрѣтя Мідія уразилъ его въ щоку рѣзво, и тѣжъ деньги ему отдалъ, рекъ: се тебѣ вяска [ударное] готовыми деньгами.

Сна боящимся сице глагола: что на яву дѣлаете, о томъ не брежете, а что во снѣ видите, о томъ печалитеся. Нещастіе приходитъ не отъ сновъ, но отъ ѕлыхъ дѣлъ, того ради не сновъ надобно беречся, но дабы дѣла были добрыя, и учтивые поступки, таковы бо и сны бываютъ.

Царю

Царю Филиппу съ воинствомъ своимъ стоящу подъ Херонїею, иде тамо и Дїогенъ, егоже воини плѣнивъ привели предъ Царя, иже узрѣвъ его и не зная кто есть, рече со гнѣвомъ: вижу тя быти подсмотрщика [шпїка] Дїогенъ рече: такъ есть, прїидохъ сѣмо присмотритися бѣшенству твоему, яко не удоволился царствомъ Македонскимъ и чуждаго желая, самъ себя въ бѣду добровольно вдаешь, сего ради блюди, да и здравїя не лишишися. Той дерзости его Царь удивлься, увѣдавъ же яко бѣ Фїлософъ, абїе повелѣ его свободно пустити.

Призываемый къ Царю Алеѯандру не восхотѣ итти, претящимъ же смертїю, аще не пойдетъ, сице отвѣща: чтоже бы великое въ томъ Царь обьявилъ, заеже то обычно сотворити, можетъ и червякъ то учинить, человѣка лишити свѣта и здравїе отнять невеликое дѣло, червь одинъ и травка то учинить можетъ, то великое дѣло, что умершему животъ даровать.

Свободный человѣкъ на высокїе чины ни на смерть не смотритъ.

Единожды узрѣвъ человѣка, что стаканъ изъ казны укралъ, люди его на

на смерть ведутъ, рече: се большіе воры малаго ведутъ.

Подобноже слово припоминаютъ бывшее отъ Августа Короля Польскаго, иже видѣвъ нѣкоего въ Вільнѣ, гдѣ пушки льютъ, на смерть осужденнаго, яко частицу мѣди укралъ, повелѣ его свободна пустить, глаголя: перво большихъ воровъ вывѣшать надобно, потóмъ малыхъ.

Егда нѣцыи Калістена Філософа называли щастливымъ человѣкомъ, за еже у Царя Алеξандра бѣ въ великой чéсти и во обиліи. Діогенъ рече: тѣмже убо бѣднымъ есть человѣкомъ, понеже тогда долженъ обѣдать и ужинать, какъ Царю ѣсть захочетца.

Идѣже нѣтъ воли, тутъ и щастіе невелико, и для того пословица: Дворянская служба, красная нужда.

Деньги егда ихъ требоваше, у пріятелей бралъ, иногда нѣкіимъ ругающимся, яко въ томъ не Філософски творяше, но нищетски, отвѣща: не беру отъ нихъ, но отбираю.

Емляй у друга, аки бы свое бралъ, добрыхъ бо друзей все общее.

Узрѣвъ богата человѣка ни къ чему негодна въ свѣтлы ризы одѣянна, рече: се имамы овцу со златымъ руномъ.

Овца

Овца не всегда себе ради руно носитъ, потому что часто ее стригутъ, подобно и богатой не разсуденъ, не себѣ блюдетъ казну, но инымъ, кто что урветъ, то его, а ему и спаси богъ не скажутъ.

Гусельникъ, иже бѣ мужикъ что дубъ, и на гусляхъ игралъ бездѣльно всѣмъ нехвалящимъ, единъ токмо Діогенъ похвалялъ, многимъ же чудящимся, чего ради то творитъ; рече: того ради хвалю его, яко сей мужикъ дородный похотѣлъ гуслями промышляти, а не разбойничать.

Вопрошенъ бывъ: кое подобіе и́мать въ себѣ ядъ вредительнѣйшій; сице отвѣщалъ: естьли вопрошаеши о дикихъ, отъ нихъ есть обманщикъ, а естьли о домашнихъ, изъ нихъ есть лицемѣръ.

Діогенъ обманщика или лицемѣра вмѣняше въ ядовитаго ѕвѣря, только въ томъ ихъ разнилъ, что обманщикъ ставится въ бровь, а ласкатель ядъ свой ласково въ человѣка впущаетъ подобіемъ аспиднымъ. Рѣчь ласкову, которая съ сердцемъ не согласна, нарицалъ силомъ медовымъ.

Нѣкто естества испытникъ вопроси его, кая вина тому, что золото

блѣдо;

блѣдо; на сїе отвѣща: того ради блѣдо, что многїе люди его навѣтуютъ.

Кто въ такомъ страху и вѣдаетъ о чьей бѣдѣ, тотъ часто блѣднѣетъ. То Дїогенъ причелъ золоту, хуля лишнее лихоимство въ людяхъ.

Случися сему внити нѣкогда въ окоптѣлую и черную баню, рече: что здѣсь моются, гдѣ съ изнова ходятъ мытись.

Вопрошающу нѣкоему, когда лучши женитися; отвѣща: молодому еще нечасъ, а старому никогда.

Являя, яко лучши не женитись, нежели на лихую жену угодить. Хотя онъ вопрошалъ о добромъ часѣ, се есть въ коихъ лѣтахъ, [Платонъ бо совѣтуетъ мущинѣ въ 30. мъ, 31. мъ, 33. мъ, 34. мъ, 35. мъ. А дѣвицѣ въ 16. въ 17. въ 18. въ 19, а и много въ 20. лѣтъ бракъ супружескїй принять] или въ коемъ мѣсяцѣ, Римляне бо, Апрѣль, Іюнь щастливо браку время почитали.

Видѣвъ юношу нѣкоего строящагося и красящагося, рече ему: естьли красишся идый къ мущинамъ, непотребно, а естьли къ женамъ, велика въ томъ неправость.

Узрѣвъ юношу, иже зарумянился отъ стыда, и аки пужаться началъ; рече

рече ему: не бойся юноше, такова бо румяность добродѣтели.

Человѣкъ глупъ, а паче не дався научитися, чаетъ яко то ѕлый знакъ, егда или юноша, или честна жена отъ стыда зардится, но всѣмъ извѣстно, яко то есть имянной знакъ природныя добродѣтели.

Нѣкоему рекшу ему, нужно на семъ свѣтѣ жити, онъ отвѣща: не жить нужно, но ѕлѣ жить нуждѣ равняется.

бысть ему въ рабѣхъ невольникъ имянемъ Мана, того бѣжавша отъ него совѣтовали друзья искати яко бѣглеца, на сія отвѣща имъ, и то смѣшно, естьли Мана можетъ быть безъ Діогена, коль паче Діогенъ безъ Маны обойтися можетъ.

На пиру сый ядяше калачь, вопросившимъ же его, что ястъ; отвѣща, ямъ хлѣбъ, гораздо печенъ.

Люди обычные дивятся на пирахъ ядямъ, а Філософъ и простой хлѣбъ и вкусы за одно почитаетъ.

Пріѣхавъ во градъ Минду, и узрѣвъ ворота ѕѣло велики, изрядно строены, самый же градецъ невеликъ, рече къ жителямъ: господа Міндіана затворите врата, да вашъ градецъ ими не убѣжитъ.

Хорошо

Хорошо говорятЪ: по пруду быть и плотинѢ.

ЮношѢ красну идущу на пирЪ бесѢдовати, сице рече: узриши яко безобразенЪ оттуду возвратишися.

На бесѢдахЪ молодые люди рѢдко исправляются, а скоряе соблажняются и портятся, занеже вЪ нихЪ кровь буяетЪ, тогда питїемЪ и взиранїемЪ на лица возбуждаютЪ похоти своя.

УзрѢвЪ отрока нѢкоего рожденнаго отЪ податной госпожи, и се онЪ каменїемЪ вЪ люди бросаетЪ, рече ему: слушай отрока, блюди, да не уязвиши отца твоего каменемЪ.

ХвалящимЪ нѢкїимЪ много даровавшаго Дїогену вЪ снабдѢнїе, рече ДїогенЪ: почто и меня не хвалите, яко стался достоинЪ прїяти то отЪ него.

Многїе люди только тѢхЪ хвалятЪ, что даютЪ, а кои берутЪ, тѢхЪ они ничтожатЪ.

Но множае вящши пристойно брати кому, неже дати, дать бо можетЪ всякЪ человѢкЪ мочный, а взять по достоинству никтоже, точїю человѢкЪ достойный, и оттуду пословка есть, дарЪ принялЪ той, иже достойному далЪ.

ХотящимЪ вѢдати, что имать прибыли отЪ Фїлософїи, отвѢща:

Аще

Аще больши ничтоже имѣлъ быхъ оттуду, кромѣ сего, яко на всякое щастіе готовъ есмь, то и тѣмъ довольствуюсь.

Нѣкто вопроси Діогена, откуду онъ бѣ; на сіе отвѣща: житель есмь свѣта. Являя, яко сей свѣтъ домъ есть всѣхъ людей, и яко человѣку достойному, аможе ни обращается, всяка страна есть отечество, яко о семъ пишутъ: рыбамъ море свободно, а птицамъ весь воздухъ. Премудрому отчина вся вселенныя округъ.

Нѣкто привелъ сына своего къ Діогену дати его въ наученіе, егоже предъ нимъ хваляше, яко отрокъ есть чуднаго разума и нравовъ, емуже Діогенъ рече: почтоже даеши мнѣ; когда толь много умѣетъ.

Въ Лакедемоніи узрѣвъ нѣкогда одѣвающагося красно съ великимъ прилѣжаніемъ въ праздникъ, рече ему: что се твориши; не всякъ ли день доброму человѣку праздникъ.

Алеѯандръ Царь при иныхъ рѣчахъ вопроси Діогена: боитсяли его; на то Діогенъ рече: чтоже еси, благъ ли или ѕолъ, Царю повѣдавшу, яко благъ есть, отвѣща Діогенъ: убо кто когда видѣ боятися благаго.

 У нѣкоего

У нѣкоего человѣка роскошнаго попросилъ гривны, тому удивлшуся и рекшу: чего ради у меня толико много просиши, а у иныхъ по полу грошу обыклъ ты просити; Діогенъ отвѣща: у иныхъ по малу емлю для того, что впредь у него взяти чаю, а у тебя возму ли что впредь, того не знаю.

Часто бываетъ то, что которые живутъ шумно и дурно, къ великой скудости приходятъ, и тогда какъ и досталь дойдетъ, ради бы воздержно жили, но понеже позда на днѣ скупость, то усматривая Діогенъ восхотѣлъ у такова заранѣе взять, дондеже всего не изнуритъ, впредь уже его себѣ не бережа.

Видѣвъ нѣкоего ѕлѣ ѕѣло стрѣляющаго изъ лука, сѣлъ близъ мѣты, вопрошенъ же: почто толь близь мѣты сѣлъ; реклъ: боюся дабы въ меня сей человѣкъ не попалъ, аще бы сѣлъ поодаль мѣты.

Вопрошенъ: для чего люди охотнѣе даютъ нищимъ, неже Філософамъ: отвѣща:

Того для, что скоряе чаютъ быти слѣпыми или хромыми, неже Філософами.

Оклевета его нѣкто, яко дѣлаше иногда подтворные деньги, тому такъ отвѣ-

отвѣщалъ: скажу тебѣ, было такое время, что былъ я таковъ, какъ ты нынѣ, а каковъ я нынѣ, ты таковъ никогда не будешь. Съ прежними грѣхами тѣхъ, что житіе свое исправили, не подобаетъ въ укоризну вводить, дабы очи запорошить, ни смотрѣть того, кто кимъ не былъ, но каковъ нынѣ есть.

Анаѵіменъ вѣтій не послѣдней, егда простирая съ рѣчью, бесѣдоваше, Діогенъ уразумѣвъ рѣчь, и показуя часть окорока, сманилъ всѣхъ слушателей, яко вси оставлше Анаѵімена на него засмотрѣлись, а Діогенъ реклъ: изрядное слово Анаѵіменово, что за деньгу купилъ, то прекратило его; являя, что о бездѣлицѣ рѣчь свою велъ.

Укоряемь, яко во время бывалъ на мѣстѣхъ скверныхъ и малочестныхъ, отповѣда: и солнце проходитъ скверныя мѣста; но не оскверняется.

Обычай имѣлъ Діогенъ безъ чиновъ тамъ ѣсть, гдѣ случилось, единожды сѣдшу ему вечеряти въ капищи, положили ему хлѣбъ дебелъ, глаголя, въ капищи ничего хорошаго не вносятъ.

Вопрошенъ: что человѣку на свѣтѣ лучшее, повѣда: вольность всего лучши.

Вѣщаше яко господа̀ и невольники малымъ чимъ межъ себя разнятся, ибо невольники въ неволѣ у господъ, а господа̀ въ неволѣ у прихотей своихъ.

Тѣхъ, иже о добродѣтели сладкая глаголютъ, а житїе бездѣльно водятъ, повѣда быти подобныхъ гуслямъ, иже сладкогласїемъ своимъ иныхъ пользуютъ, а сами его не слышатъ. Добродѣтель не словами, но честными дѣлы состоитъ.

Вопрошенъ: како Дїонїсїй мучитель поступаетъ со други своими, отвѣща: поступаетъ съ ними аки съ кожаными мѣшками, полные вѣшаетъ, а порожжїе подъ лавку бросаетъ.

Являя, что Дїонїсїй мучитель именитыхъ мучилъ, а бѣдныхъ презиралъ.

Узрѣвъ отрока безчинно поступающо, абїе удари учителя его, глаголя: почто тако безчинїю учиши.

Услышавъ нѣкоего краснаго юношу скаредно глаголюща, рече: не стыдно ли тебѣ, что изъ многоцѣнныхъ слоновыя кости ноженъ, сабли оловянныя добываешъ.

Скверно, егда мужикъ простакъ скверными словами блюетъ, но много скверняе, егда красный [знатный] человѣкъ скверныя слова̀ испускаетъ.

Въ

Въ нѣкій день множеству людей послѣ комедіи идущу со зрѣлища, онъ противъ ихъ угнѣтаясь иде, вопрошающимъ же его: для чего творишъ все опако; рече: нуждуся во все житіе мое творити противно грубяномъ.

Человѣку смышленному не подобаетъ уклонятись къ поступкамъ грубымъ, но далече обходить. Грубянинъ бо не по смышленію, но по намѣренію и прихотямъ своимъ поступаетъ.

Видѣвъ нѣкоего музыканта мужика стропотива настраивающа свое орудие мусікійское, рече къ нему: не стыдъ ли тебѣ голосы на деревѣ строить умѣть, а житія своего по разуму и добродѣтели уставить не смыслить.

Нѣкто безъизвѣстной дѣтина на воротѣхъ своего дому написалъ сія словеса: Никакое ѕло, ничтолибо вредно, въ домъ сей, никогда да не будетъ входно.

Сія прочетъ Діогенъ рече: а господинъ дому сего камо входитъ. Возвѣщая, яко то вящши вредитъ, егда въ комъ скаредные примѣты и изше благостыня.

Нѣкто отъ наемныхъ воевъ, вздѣвъ на себе львову кожу, оказался тѣмъ, рече ему Діогенъ, долголи доброту храбрости срамляти имаши.

 Герку-

Геркулесъ въ знаменіе храбрости хождаше во львовой кожѣ, а его одѣяніе носити Философъ чаяше быти вещь скверну. Много и нынѣ такихъ есть, что лошадей, ружья, одѣянія воинскаго употребляютъ, а храбрость ихъ вѣ лѣсу за кустомъ.

Онъ же нашедъ мvро благоуханное, ноги себѣ имъ помаза, ругающимъ же его о семъ людемъ, рече: аще помажу главу, благоуханіе на вѣтръ росходится, а отъ ногъ уханіе идетъ въ верьхъ.

Ученіе всѣмъ отъ сего хваляше, яко юнымъ людемъ приноситъ трезвость, старымъ утѣшеніе, нищимъ обогащеніе, богатымъ украшеніе.

Вопрошенъ нѣкіимъ, какъ бы моглъ лучши мстить непріятелю, отвѣщавъ онъ, таковъ путь показалъ: всего лучши отомстить, егда будешъ добрымъ человѣкомъ.

Непріятель всякъ всегда крѣпко смотритъ на того, кому недругъ, дабы моглъ во всякихъ припадкахъ людемъ оклеветать, къ тому и вины ищетъ имѣти приступъ къ тебѣ, аще же не обрящетъ чего, да тя обнесетъ, то самъ себе грызетъ, а видя человѣка добра, не дерзнетъ на тя напирать, вѣдая яко правая рука всегда права.

Нѣкто

Нѣкто ругался ему, что онъ нищь, а самъ былъ плутъ, такъ отвѣща: нищеты ради дабы кто пытанъ былъ, того никто не видалъ, а за воровство не одного я видѣлъ на пыткѣ.

Узрѣвъ жену на носилкахъ носиму; рече: сія клѣтка не по тому звѣрю.

Являя, яко жена ѕлая, дивїй ѕвѣрь, естьли не держать ее крѣпко въ рукахъ, много ѕла учинить можетъ.

Тойже о любви ѕлой бесѣдова, яко есть упражненїе людей гуляющихъ.

больши тѣ склонны суть къ похоти, иже въ нѣгѣ живутъ и непрестанно гуляютъ, якоже Овїдїй стїхотворецъ пишетъ:

Иже безъ промыслу, всегда гуляютъ.
Ничто добро дѣюще, о ѕлѣ промышляютъ.

Предивно похоть нѣжитца въ гулянїи.

Трудись, ежели не хощешъ быть въ любодѣянїи. И паки:

Кой часъ лишишся лишняго гулянья.
Абїе похоть отстанетъ своего стрѣлянья

Зинону Фїлософу производящу различными доводами, яко нѣсть ни единаго движенїя на свѣтѣ. Дїогенъ вос-

стать нача ходити по училищи, вопросившу же Зинону, что творитъ; рече: твои доводы отрѣваю.

Егда увѣщеваше его нѣкто, дабы достигши старости отставилъ труды, рече ему, егда бы былъ съ кѣмъ въ теченіи бѣжанія, а былъ бы недалече конца, тамъ ослабѣлъ ли бы въ бѣгу, или крѣпитись достоило бы.

Нудившей его скудости сице просяше милостыни: аще кому далъ милостыню когда, даждь и мнѣ, аще же никому еще, то начни отъ мене.

Вопрошенъ; что бѣднѣе на свѣтѣ; отвѣща: нѣтъ бѣдняя сего егда человѣкъ старъ, а къ тому бѣденъ.

Велія подпора старости, егда кто имѣетъ каково ни есть имѣнейцо, а егда къ старости прилѣпится бѣдность, нѣсть того горьши.

Плѣнена его бывша изведоша продать, тамъ вопрошающу его, иже продаетъ: что умѣетъ; да вѣсть какъ бы его купцу похвалити, рече Діогенъ: скажи, что продаешъ такова человѣка: которой умѣетъ росказывать людемъ свободнымъ, абіе же узрѣвъ человѣка во многоцѣнныхъ ризахъ идуща, рече: тому мя продай, вижу бо, ласка требуетъ господина.

Купившу

Купившу его нѣкоему Ѯініаду, рече Діогенъ къ нему: се ты купилъ меня, зри же, да всякому моему повелѣнію будеши послушенъ, на сіе Ѯініадъ рече: будетъ то противно, Діогенъ сказа: егда бы былъ недуженъ, а купилъ бы лѣкаря, не былъ ли бы ему послушенъ ты.

Ученіе лѣкарское лѣчитъ болѣзни на тѣлѣ, а Філософія лѣчитъ вреды въ мыслѣ, и якоже лѣкаря здравія ради тѣлеснаго, тако Філософа здравія ради душевнаго пристойно слушать, аще бы и гораздо былъ его господиномъ.

Сущу ему у Ѯініада совѣтоваша друзи выкупить его, онъ рече, не треба, не вѣсте ли, яко львы не служатъ тѣмъ, иже ихъ держатъ, но они львомъ.

Вопрошенъ: аще смерть ѕла; отвѣща: како можетъ быть ѕла, занеже ее не видимъ.

Тойже повѣда: яко инымъ людемъ, имже доброе поведеніе жить годно, умереть не хочется, а иже суть въ нещастіи, тѣмъ животъ не годенъ, и смерти желаютъ, а мучителемъ обое то ѕѣло тяжко: ибо житіе есть имъ мерзостнѣе паче тѣхъ, иже хотятъ умрети, и смерти боятся паче

тѣхъ, что въ добромъ житіи живутъ.

Речено бысть ему, когда и кто по смерти тя погребетъ, яко ни единаго раба имѣеши, на то рече; въ чьемъ дому умру, естьли ему домъ понадобится, той и погребетъ.

Въ нѣкое время Антісѳенъ учитель Діогеновъ всѣхъ учениковъ восхотѣ отъ себя прочь отогнать, кромѣ Діогена, егоже постоянства ради оставить не можаше, иногда и жезломъ претя да отъидетъ, емуже Діогенъ преклонивъ главу свою, рече: не имаши такова тверда жезла, да отлучитъ меня отъ тебя.

Въ нѣкое время корякомъ воду пивъ узрѣ дѣтище, и се воду руками пьетъ, покинувъ корякъ рече: не вѣдѣхъ, о како естествомъ содѣяся удобность къ напою.

Онъ бѣ ѕѣло терпѣливъ, егда въ нѣкое время глагола о гнѣвѣ, единъ плюнулъ ему въ лице, и вопроси его, гнѣвается ли; отвѣща ему: не гнѣваюся, но презираю.

Инъ же лаяше его срамными словесы, емуже ничтоже отвѣща; рече же ему гаждаяй его: для чего на то не отвѣщаетъ; рече Діогенъ; не хощу о та-

о таковой вещи бранитися, понеже кому бы она ни досталась, тотъ будетъ посрамленъ.

Иногда шедшу Царю Алеѯандру мимо Діогена, Діогенъ аки презирая его не воззрѣ нань, емуже рече Алеѯандръ: что се Діогене, яко не воззриши на мя; аки бы никогда я тебѣ надобенъ былъ, емуже рече Діогенъ: не употребляю служебника служебниковъ моихъ. Паки рече ему Алеѯандръ: азъ ли служебникъ служебниковъ твоихъ; рече Діогенъ: такъ истинно, азъ бо свою волю одолѣваю, а ты воли своей подданъ, она бо тя премогаетъ; того ради служебникъ еси служебниковъ моихъ.

Въ нѣкое время стіхотворецъ ѕѣло хваляше Алеѯандра предъ Діогеномъ, а Діогенъ взявъ хлѣбъ нача ясти. Онъ рече: что твориши, почто не слушаеши; отвѣща: прибыльнѣе хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать.

Узрѣвъ нѣкоего юношу лицемъ дурна, но нравовъ добрыхъ, рече: доброта души его много красоты лицу его придаетъ.

Также видѣвъ одного мужика деревенскаго дурака на камени сѣдяща, рече: се камень сѣдитъ на камини.

Въ

Въ болѣзни лежащаго, егда пріятели утѣшая говаривали, да не боится, заеже се отъ бога есть, отвѣща: того для больши боюся, яко отъ бога есть.

Во едину отъ нощей, егда воръ восхотѣ украсти у него мѣшокъ съ деньгами, онъ же пробудився, и видѣвъ, что дѣло до денегъ; рече ему: возми бѣдниче возми, дай намъ крѣпко спать.

Вопрошенъ: для чего людей боится; отвѣща: ѕлыхъ того ради боюсь, яко ѕли въ дѣлѣхъ своихъ, а добрыхъ яко ѕлымъ сообщаются.

Вопрошенъ: чего всякому блюстись и стеречися; отвѣща: ненависти пріятельской, а слезӹ непріятельской.

[ДОГАДЛИВЫИ ЕГО ПОСЛОВИЦЫ.]

Въ заступленїе свое всякому подобаетъ имѣти пріятеля.

Въ своемъ дѣлѣ самому судїею добрымъ не мочно быть, аще бы иныхъ и гораздо умѣлъ судить.

Неповиннаго осудивый, самъ себе язвитъ, того бо ради совѣсть его грысть будетъ.

Хощеши ли благъ быти, отрини то отъ себя, что во иномъ ненавидишъ.

Совѣтъ отъ истинныя любви блюди у себе, и послушай.

ѲАЛИСЪ

ѲАЛИСЪ Милитийскій вопрошенъ бывъ: что есть неудобнѣйшее; повѣда то: еже познати самого себе.

Паки вопрошенъ, что есть удобнѣйшее; отвѣща: удобнѣйшее иного увѣщать. Вопрошенъ же: кто щастливъ; сице отвѣща: иже тѣломъ здравъ и въ смыслѣ изученъ.

О семъ пишутъ, бога подобаетъ усердно молити.

Да здравіемъ и смысломъ подастъ здраву быти.

Вопрошающу: какъ бы человѣкъ благочестно моглъ житіе свое вести; таковъ путь явилъ: всякъ то достигнетъ, естьли самъ того не искусится, что во иныхъ хулитъ.

Тожже повѣдалъ: что многословіе не являетъ человѣка быти разумна.

Много такихъ, что многорѣчіемъ хотятъ предъ людьми явитись разумными, а чернь видя говорливаго человѣка, почитаетъ его за премудра Но многовѣденіе на добрыхъ поступкахъ належитъ, не на многорѣчіи.

Вопрошенъ: что есть любезнѣйшее; отвѣща: сподобитися того, о чемъ промышляешъ.

Всего больши, люди тѣмъ довольствуются, егда то улучатъ, за что стоятъ.

Онъ

Онъ же вопрошенъ: какъ бы кто моглъ тихо снесть свое нещастіе; отвѣща: аще бы видѣлъ недруги свои въ большомъ нещастіи.

Вопрошенъ: что есть древнѣйшее; рече: богъ древнѣйшій, заеже есть безъ начáла.

Что изряднѣйшее; свѣтъ, себо чинъ божій всякими вещьми украшенъ.

Что большее; мѣсто, все бо въ себѣ обья.

Что скорѣйшее; мысль, заеже въ маломъ времяни вездѣ она.

Что премудрѣе; время, яко по времени всего достигаютъ.

Что крѣпчайшее; рекъ: се есть непремѣнное божіе смотрѣніе.

Тойже вопрошенъ: кого бы могъ съ трудностію видѣть; отвѣща: неудобнѣе видѣть мучителя состарѣвшася. Мучитель бо рѣдко мучительства ради своего доходитъ до старости.

Вопрошенъ: аще человѣкъ творяй ѕлое, можетъ утаитися предъ богомъ; отвѣща: не точію съ дѣломъ, но ни съ мыслію своею кто предъ нимъ утаитися можетъ.

Онъ же глагола, яко нѣсть разни межъ животомъ и смертію. Нѣктожъ реклъ ему: аще тако, то чего ради не

умреши;

умреши; на сїе рече: для того и не умираю, что все за ровно и жить и умереть.

Сей Ѳалисъ убогъ былъ, во ученїи упражняясь, имѣнїя никакова не желалъ.

Ругающимся нѣкимъ, яко бѣ убогъ, аще и мудрецъ, и яко ему мудрость не прибыльна, дабы ругателей своихъ посрамилъ; яви разумъ свой смотря на звѣзды, ихже гораздо искусенъ былъ, и познавъ, что въ будущее лѣто масло не родится, а того году довольно было, и онъ зимою въ дву городѣхъ въ Мїлїтѣ и въ Хїи много и дешево масла накупилъ, потомъ въ будущїй годъ какъ масло не родилось, а почали спрашивать, онъ продавать учалъ цѣною по своей воли и денегъ довольно набралъ, и тѣмъ ругателей своихъ обругалъ. Явилъ яко мудрость его не тща была, занеже разумному удобь обогатитися мочно, только мудрости съ богатствомъ трудно равнятись.

Тойже и сїя глагола: блюди да не будеши богатъ неправдою.

Якоже поступиши къ родителемъ твоимъ, тако надѣйся и сыновъ впредь своихъ къ тебѣ быти.

СОЛОНЪ

СОЛОНЪ мудрецъ родомъ изъ Аѳинъ, вопросившу Королю Крезу зѣло богату: видѣлъ ли человѣка щастливѣйшаго паче его; отвѣща; видѣхъ Телла Аѳинянина житіе свое безъ похуленія ведшаго и оставившаго чадомъ своимъ честное пропитаніе, и крѣпко ратуя за отечество улучивъ славу на бою умре, потомъ паки вопроси: аще бы по Теллѣ видѣлъ кого щастливаго; Солонъ повѣда: что зналъ Клїова и Вїтона братей родныхъ, иже поѣхавъ съ матерїю въ капище на праздникъ, и конемъ уставшимъ сами въ возъ впряглись, и привезли матерь свою въ капище, и великой славы сподобився въ туже ночь померли. Посемъ Король гнѣвомъ движимь, рече: а мнѣ никаковали мѣста межъ щастливыми даешъ; на се Солонъ: причитаю о Королю, что ты щастливъ, а щастливымъ назвать не смѣю, прежде даже щастливо животъ скончаешъ.

Надобно человѣку дни ждать послѣдняго, а прежде смерти не достоитъ звать щастливымъ никого.

Какъ и тотъ Крезъ не вдолзѣ позна свое премѣнное щастїе, ибо пораженъ потомъ бысть Кїромъ Царемъ и плѣненъ, а еже вящшее, на костеръ дровъ бѣ возведенъ на сожженїе, и тамо помянувъ

слово

Слово Солоново; великимъ возопи гласомъ: о Солоне, Солоне! услышавъ сія Кïръ вопроси: кого поминаетъ; и увѣдавъ совершенно отъ него о Солонѣ и о бесѣдованïи его съ нимъ, не велѣлъ его жечь. Тѣмъ же убо щастïю своему вѣрить излишно не подобаетъ, много бо можетъ нанестися отвсюду на человѣка бѣдъ, и отъ богата сотворить скудна.

Никто не уповай на лишнюю удачю, ни отчаявайся во ѕлу неудачю, иже бо на главу вѣнецъ возлагаетъ, той и съ нея снимаетъ.

Тойже повѣда, яко уложенья паучиннымъ сѣткамъ суть подобны, занеже сильный аки шершень пробьется, а бѣдный аки муха увянетъ.

Вопрошенъ: како угодити, да обиды не вредятъ посредѣ людей, таковъ яви посредокъ, не много бы обидъ было, ежели бы неизобиженные вступались за обиду чужую аки за свою.

Егдабъ сïи вступались въ обиду иныхъ, конечно не много бы тѣхъ было, которые обидятъ.

Тотъ Солонъ, занеже бѣ человѣкъ разуменъ, законы подалъ Аѳиняномъ, егдаже вопрошенъ бысть: почто не положилъ въ законѣ, како имать казненъ

 быти,

быти, иже отца своего убіетъ; сицевъ даде отвѣтъ: Того ради не положихъ, яко не чаяхъ, да кто такое ѕлое прегрѣшеніе въ сеи рѣчи посполитой содѣетъ, сего ради не хотѣхъ и поминати о томъ.

Повѣдаше, яко мниміи быти въ милости у мучителей, ѕѣло подобни суть Цатамъ, которые по угожденію счетчика, овогда многія тысящи, иногда ѕѣло мало, а временемъ ни во что не кладутся.

Пісістрату пріявшу на себя чинъ первенства во общенародіи и ѕѣло склонившуся на мучительство, Солонъ крѣпко противяшеся ему. Вопросившу же его Пісістрату, на что надѣяся толико дерзостно поступаетъ; сказа: Старость то моя содѣваетъ, что тебя не боюся.

Познавъ лукавство Пісістратово, иже самъ себѣ раны подѣлавъ, восхотѣ явити, будто былъ измѣною израненъ, да народа обманетъ, и на печаль, а потомъ и на смятеніе приведетъ, сице ему рече: Не хорошо Пісістрате изобразуеши Улісса, ты бо тѣхъ ранъ, ихже самъ себѣ сотворилъ, на обманъ своихъ же употребляеши, а онъ самъ себе изранивъ неприятелей обманулъ.

Тойже глаголаше, состарѣешися много добра на всякъ день учась.

Нынѣ въ стыдъ вмѣняютъ научитися чему, слушавъ стараго или бывалаго, а того не вѣдятъ, что самая старость не творитъ разумна никого, но токмо ученіе и искусство.

Солонъ былъ на нѣкоемъ мѣстѣ, идѣже вси тамо сущіи говорили, онъ же единъ токмо молча бѣ, рекоша ему: Почто не говоритъ, еда глупецъ или скуденъ въ рѣчи; отвѣща: Глупецъ молчать не можетъ.

Вопрошенъ: Кому быть управителемъ людей; рече: Тому, иже въ дому своемъ прежде управлять научился.

Вопрошенъ: что есть острѣйшее меча; отвѣща: языкъ ѕлаго человѣка.

Кто паче свободнѣе; [или тороватѣе] рече: кто добра своего съ охотою удѣляетъ, а чужаго не желаетъ.

Како градъ можетъ добрѣ правимъ быть; рече: аще бы Воеводы и правители по закону жили.

ВІАСЪ мудрецъ, егда случися ему шествовати моремъ съ людьми злыми, воставшей же великой бурѣ, корабленицы начаша призывати въ помощъ боговъ, сице рече къ нимъ: Азъ совѣтую, мол-

чите, да не услышатъ бози, яко здѣ шествуете.

Вмѣни мудрецъ, яко мольбы нечестивцевъ больши бога на гнѣвъ, неже на милость возбуждаютъ, и яко богъ лежащихъ во грѣсѣхъ не послушаетъ.

Тойже вопросившу его человѣку нечестиву, яко есть благочестїе; не восхотѣ отвѣщати. Вопросившужъ о винѣ, коея ради молчанїенъ его отбываетъ; Вїасъ рече: того ради на вопросъ твой не отвѣщаваю, яко о томъ вопрошаеши, что тебѣ нѣсть прилично. Не ко всякому отвѣщати подобаетъ, иной бо овогда въ рѣчъ входитъ на кощунство, или точїю оказываяся, а бисера метать предъ свинїями не подобаетъ.

Егда градъ, въ немъ же Вїасъ родися, отъ непрїятеля плѣненъ бѣ, жителемъ же его повелѣно, кто что можетъ понести. И многи вещи носящїе изхождаху, единъ точїю Вїасъ ничтоже взя съ собою, къ вопрошающимъ же отвѣща: азъ все имѣнїе мое несу съ собою.

Являя, яко то правое имѣнїе, егоже отнять никто можетъ, доколѣ живъ человѣкъ.

ВІАСЪ

ВІАСЪ Пріененскій Мудрецъ, единъ отъ седми мудрецовъ, бѣ Князь во градѣ Пріененскомъ, но межъ Пріеняны и Месалітяны брани заченшейся, ратнымъ же Пріененскимъ много дѣвицъ Мезселіскихъ плѣнившимъ, ихже Віасъ видѣвъ, скорбяше, и взявъ ихъ къ себѣ, храняше честно яко своихъ. Потомъ новы ризы имъ сдѣлавъ, и одаривъ къ родителемъ посла, дабы тѣмъ милосердіе явилъ, могій имъ ѕлѣ сотворити, не сотвори. Егда же сіе предъ народомъ Мессалінскимъ промчеся, абіе къ Віасу Послы послаша съ различными дары, просяху примиритися.

Въ нѣкое время, егда Аліатъ Князь градъ Пріенскій осади, надѣясь гладомъ выморить, тогда Віасъ своимъ разсмотрѣніемъ скудость бывшую во градѣ сице прикры: двѣ тучны яловицы изъ града пусти, да яты будутъ отъ сопостатъ, ихже Аліатъ Князь видѣвъ вознепщева, яко имѣютъ обиліе запасовъ, посла къ Віасу да изыдетъ изъ града о примиреніи совѣститися; отвѣща: Аще бы азъ вышелъ, то бы Пріеняне лукъ ѣли, [се есть плакали.]

боящебося, да изшедъ изъ града не плѣнится, но Послу Аліатову вшедшу во градъ, Віасъ повелѣ велику громаду

песка насыпать, юже пшеницею сверьху прикры, а другую рожью, и Послу показа, слышавъ же о томъ Аліатъ, примирися съ нимъ, и отступили отъ града.

разумныя его рѣчи.

Зри, да старыхъ и честныхъ мужей почитаеши.

Дерзость лишняя многократно досаду приноситъ.

Множество имѣнія имѣти, щастье хочетъ, но привоздержну быть, дѣло разумнаго есть.

Чужаго зла не воспоминать.

Неудобнѣе между двома пріятельма судъ судить, неже между непріятельми, отъ пріятеля бо единаго себѣ непріятелемъ содѣешъ, а отъ непріятелей оба пріятели будутъ.

Безумна мысль есть вещей невозможныхъ хотѣти.

Что себѣ умыслишъ, блюди при себѣ, немного говоря, то бо ненависть приноситъ.

Смотрѣніе люби. Недостойнаго человѣка имѣнія для, не хвали.

Мудрость всего лучши.

Издавна искушенныхъ друзей имѣй, и ихъ единою мыслію, а не единымъ возмездіемъ люби. Пріятелей такихъ подра-

подражай, которыхъ бы не срамился въ какой нуждѣ просить.

Двѣ вещи думѣ суть препоною, ускоренїе и гнѣвъ.

ПІТТАКЪ Мїтїльскїй нѣкоего сотворшаго ему обиду, имяше его въ руку своею, егоже и наказати можаше, свободна отпусти, рекъ: лучше есть оставленїе, неже наказанїе.

Оставить бо вину, прилично доброй природѣ, а казнь свирѣпому естеству свойственно.

Тойже глагола: равную въ жену себѣ понимай, да возможеши жить въ согласїи.

Поемшимъ богатую, мужемъ, то какъ хочетъ, жена правитъ, и комедїи въ дому часто быть могутъ.

Съ равною скорой миръ, а съ убогою скорѣе.

Скуднѣе себя бери, богата бо гордится, инако, съ своимъ мужемъ жена не смирится.

Вопрошенъ: что есть избраннѣйшее; Отвѣща: добро творить и со всякимъ дружитися.

Что прїятнѣйшее; рече: добрый прїятель.

Что вѣрно; земля.

Что невѣрно; море.

ВІОНЪ борістенскій вопрошенъ, надоболи женитися или ни; сице рече: аще поимеши нехорошую, та омерзѣетъ, ащеже прекрасну, та многимъ помилѣетъ Тотъ же красоту нарицаше чужимъ добромъ, ибо недолго держится человѣка.

Ибо красота на краткое время при человѣкѣ есть, аки не наша, сего ради подобаетъ памятовать тѣмъ, иже обыкли гордитися, егда увидятъ частицу красоты на лицѣ своемъ.

Жены прекрасные смотрятъ высоко
А съ красотою пускаютъ гордо свое око.

О семъ Стіхотворецъ сице.:

Красота добро кратко, подшедши подъ лѣта
Малѣетъ, и своего лишается цвѣта.

Еже и инъ изрядно изобрази:

Сей лучь, иже на юныхъ ланитѣхъ блистаетъ.
Единымъ мгновеніемъ, и вдругъ изчезаетъ.
На всякъ день красота убываетъ лица.
Тако бо попускаетъ божія десница.

Вопрошенъ: кто бываетъ печальнѣйшій;
Повѣда: иже въ дѣлѣхъ великихъ хочетъ быть высокимъ.

Шумитъ

Шумитъ въ головѣ хотящему достигнути высокихъ дѣлъ, занеже и ходя за ними суетится, и нашедъ, чтобъ не потерять, боится.

По словеси Стіхотворцову:

Не мала то печаль, умѣть животъ нажити.

больше того тщаніе, наживъ не погубити.

Имѣніе называлъ жилами всѣхъ дѣлъ: имѣяй бо довольно денегъ, ко всякому дѣлу имѣетъ удобный приступъ,

Якоже глаголетъ Стіхотворецъ:

Много деньги могутъ, а правда царствуетъ.

боярствомъ съ порою, и честь похотствуютъ.

И паки тойже:

Сила, слава, лѣпота богатству послушны.

Въ мирскихъ и въ Царскихъ дѣлѣхъ суть прислушны.

Собравый сихъ, славенъ, честенъ бываетъ.

Правъ, мудръ, смысленъ, и царства достизаетъ.

Тойже повѣда: яко великое нещастіе, не умѣть понесть нещастія.

Во время нещастія, потребно есть великое терпѣніе и сердце крѣпко.

Не умѣяй же употребити, тѣмъ самимъ къ вящшему нещастїю путь себѣ сплететъ.

Случися, нѣкогда ему пловущу кораблемъ съ людьми мало добрыми, впасти въ разбойники, и тамо шепчющимъ имъ между собою: бѣда наша, естьли насъ познаютъ: Вїонъ же рече: и мнѣ бѣда, естьли насъ не познаютъ.

Угодно то лихимъ людемъ, егда ихъ не познаютъ, тѣмъ бо могутъ убѣжати того, и на что работаютъ, а добрымъ ѕѣло вредно, яко часто имъ случается по непознанїю ихъ, чего бы не было, естьлибъ ихъ знали.

Подобно Архїмеда землемѣрца и иныхъ побили, занеже ихъ не знали.

Тойже повѣда, яко высокое мнѣнїе о себѣ, есть великою препоною къ правдѣ.

Часто то бываетъ, кто о себѣ много мнитъ, тотъ всяку вещь легко ставитъ, и ни отъ кого учитися не хощетъ, аки бы всѣ умы въ себе собра, и тако той едва на исправленїе дастся. А смиренная о себѣ мысляй, на свой умъ не опирается, больше о людехъ, неже о себѣ разумѣя. Все аще что къ дѣлу слышитъ, въ память себѣ емлетъ, и тѣмъ по времяни высокимъ человѣкомъ и чистаго разсужденїя бываетъ:

Узрѣвъ

Узрѣвъ нѣкоего богата скупа, рече: Се человѣкъ, иже не самъ селомъ своимъ, но село имъ владѣетъ.

Тойже о тѣхже глаголаше: яко крѣпкіе богачи толь великое раденіе о богатствахъ имутъ, аки о собинныхъ, а имже прибыли нѣтъ, и ни касаются имъ, аки быти чужимъ.

Видѣвъ человѣка печальнымъ лицемъ завидлива, рече ему: Не вѣмъ, о чемъ ты печаленъ, знатно или тебѣ нѣчто странно прилучилось, или кому что доброе учинилось:

Завидливый человѣкъ не меньши печалится о томъ, егда что кому пощастится, нежебы самому ему бѣда какая учинилась:

Того ради глаголетъ Стіхотворецъ:

Завидливый сохнетъ о томъ,
Егда видитъ щастіе въ комъ

Старость нарицаше пристанищемъ, къ которому люди отъ нещастія убѣгаютъ.

Якоже бо отъ бурь морскихъ къ пристанищу притекше блага чаютъ, тако и достигшіи старости, всякой нуждѣ вскорѣ конца ожидаютъ.

Тоиже прещаше ни единому старому ругатися, яко старъ есть, понеже всякъ желаетъ сподобитися стараго вѣка.

Глупъ

Глупъ разумъ ругатися тому, къ чему самъ достичь хощешь.

Славу называлъ матерїю лѣтъ, по сему, яко слава честна честныхъ людей по смерти ихъ вѣчно слыветъ, и краткому вѣку человѣческому лѣтъ прибавляетъ.

Тойже вопрошенъ: что глупость; рече: глупость ничто ино есть, точїю препона къ щастїю.

Глупымъ ни щастїя достичь, ни аще бы приснилось къ нему, употребляти умѣетъ.

АНАѮАГОРЪ Фїлософъ славный, бѣ учитель Перїкля Князя Греческаго, егоже пришедша въ глубокую старость, презрѣ Периклїй. Фїлософъ же улучивъ Князя того видѣть, сице его порече: О! Перикле, вси, иже требуютъ свѣтлости, наливаютъ лампаду масломъ. Являя то, аще малыя ради свѣтлости, масла не жалѣемъ, много паче человѣка ради достойнаго, жалѣти не подобаетъ ему всякихъ потребъ въ пропитанїе его.

Егда отъ Аѳинянъ во изгнанїе бѣ осужденъ, нѣкто рече ему: се Аѳинянъ лишился еси. На то отвѣща: убо они меня лишилися, не азъ ихъ.

Которые

Которые изрѣяють [отгоняютъ] людей достойныхъ отъ себя, чаютъ, что тѣмъ покорыстуютца, но хуже себѣ, неже имъ творятъ, а егда нужда прилучится, паки ихъ къ себѣ сыскиваютъ.

Уже ему изгнану бывшу, пріиде къ нему вѣсть, яко сынове его умроша, о семъ нимало движимъ печалїю, рече: вѣдахъ, яко смертни родишася.

Тойже сый близъ смерти, разболѣвся во градѣ Ламѱакѣ, пріятелемъ же вопросившимъ его: Велитъ ли по смерти отвестъ себя въ Клазоменъ отечество свое; Отвѣща: не надобно меня туды проводить по смерти, понеже на томъ свѣтъ, отовсюду единака дорга.

АНАѮАГОРОВО УЧЕНІЕ СІЕ:

Бога хвали, пріятелемъ помогай.

Родителей почитай, никому не завиди.

Никому не кленись, за правду не гнѣвайся.

По уставомъ ходи, не поступай гнѣвомъ.

Добродѣтель похваляй, доброе размышляй.

Всякому дружбу соблюдай, бѣднаго не ругай. Добро твори, кому можешъ, тѣмъ

тѣмъ много друзей наживешъ. Что гдѣ видишъ, твоя тайны никому не повѣдай.

ѲЕОФРАСТЪ Ересїй глаголаше: лучши вѣрить коню запрометчиву, неже слову вспыльчиву.

Коня муштукомъ удержать можешъ, а слово изнесенное не возможно возвратить.

О семъ Стїхотворецъ сице:

Что о комъ говорити и съ кѣмъ, крѣпко смотри, испытателей бѣгай, говорка ототри, въ ушахъ бо разверстыхъ рѣчь не держится, единожды речена, ужѐ не возвратится.

Тойже глаголаше, ни едино иждивенїе больши, якоже время.

Инїи бездѣльныя забавы вымышляютъ, какъбы время скоротать, и другъ другу за то благодарятъ, а того не вѣдятъ, что время вещь многоцѣнна, и великимъ стремленїемъ убѣгаетъ, яко и догнать не возможно, ни вспять когда возвратить, яко глаголетъ Стїхотворецъ: Часы плову тъ, въ которыхъ скоро старѣемся. Дни бѣгутъ, удержать ихъ не надѣемся,

И паки: Ни вода збѣжавшая назадъ возвратится. Ни часъ, иже миновалъ,

напреди

напреди явится. И паки. время непрестанно бѣжитъ движенiемъ. Аки рѣки быстрыя своимъ стремленiемъ.

Подобно времена въ равень уплываютъ, и новости вседневны тому подражаютъ.

Сѣдя на пиру всегда молчащему; сице рече: Аще глупъ сый сiе творишъ, то разумно творишъ, аще разуменъ сый, молчишъ, творишъ сiе гораздо глупо.

Глупому всего лучши молчать, такъ бо уйдетъ, не до конца за глупого, а разумному ни безпрестанно молчать, ни лишнее говорить пристойно.

Тойже повѣда, дать мечь бѣшеному. а власть человѣку ѕлому, едино есть.

КРАТЕСЪ Фiлософъ хотящимъ отъ него вѣдати: что прибыли ему Фiлософiа принесла, сице повѣда: Та мнѣ корысть отъ Фiлософiи, яко малымъ довольствуюся, и ни о чемъ не печалюся.

Тѣмъ иже отъ похоти удержатися не могутъ, тѣ лѣкарства показывалъ, яко похоть цѣлима бываетъ гладомъ, а ежели то не поможетъ, того само время лишитъ. Аще и такъ исправленiя не послышиши, то конечно излѣчитъ смерть.

И сїе повѣда, яко нѣсть человѣка безъ порока.

О семъ пишетъ Орацїй.

безъ порока какова никто же родится.

блаженъ, иже никогда ими бѣдится.

О дружащихся со ласкателми повѣдалъ: яко тїи токмо суть на поруганїе выданы, аки овцы посредѣ волковъ.

богатства людей вотчинныхъ и скупыхъ сказываетъ быть подобны фїниковымъ древамъ высоко на росполинахъ каменныхъ сущимъ, аще бо бы тамъ и многоплодны родились, человѣкъ не добудетъ плодовъ, точїю птицамъ отъ нихъ корысть, подобно богатствами вотчинныхъ и богатыхъ людей только попаковщики насыщаются.

Царь Алеѯандръ, Государь подателенъ ѕѣло, любляше людей ученыхъ, яко Арїстотеля ради Фїлософа градъ Стагїрїтъ, идѣже родися, изрядно устрои, и каменемъ огради. Тужъ милость хотяй явити и Кратесу, вопроси его: хощетъ ли да отчина его построена будетъ, бѣ бо тогда разорена. На сїе Кратесъ отвѣща: не надобно, аще бо бы нынѣ и гораздо устроена была, тобы пришедъ иной Алеѯандръ паче разорилъ.

Являя

Являя яко на свѣтѣ ничто есть надежно и крѣпко, что единъ построитъ, то другой разоритъ, единъ пожалуетъ, другой отъиметъ.

Кратесъ сему научаше: Ни о комъ ѕла не говори, только слушай, что ѕлое о комъ говорятъ, да ты таковъ не будеши. Слыша много, говори мало. Прежде уразумѣй рѣчь, потомъ оныя касайся: отъ юности учись мѣрности и воздержанія, на старость мудрости и добраго совѣта.

Добраго чти, ѕлаго не жалѣй.

Добрымъ многимъ вредитъ, кто ѕлымъ попущаетъ.

ЗИНОНЪ узрѣвъ нѣкоего самолюба, что по малу и бережно ступалъ чрезъ проточину; сице рече: дѣльно дѣлаетъ, что болото минуетъ, занеже въ немъ осмотритца не можетъ.

Хулящему нѣкоему Антісѳена Філософа вопроси его: есть ли что въ Антісѳенѣ, еже бы въ немъ не годно было; оному рекшу: не вѣмъ, глаголетъ Зинонъ: не стыдъ ли ти, яже Антісѳенъ забывся произрече: къ тому асіе ты прилѣпился и не забываешъ, а въ чемъ дѣло говаривалъ, того не помнишъ.

Въ обычай вниде, яко въ чемъ либо человѣкъ ошибетца въ письмѣ или въ словѣ, то всѣ за то хватаютца, а что разумно на письмѣ или словомъ издастъ, то въ ничто вмѣняютъ.

Къ юношѣ многоглаголиву сице рече: твои уши въ языкъ вырослu. Являя, яко юному подобаетъ много слушать, а мало говорить.

Частоглаголание, яко людемъ больши всего времяни не стаетъ, инiи всуе дни проводятъ, а разумнымъ на надобныя дѣла время не стаетъ, оттуду нѣцыи о краткомъ вѣцѣ тужили, яко хотяще постигнути вещей высокихъ въ наученiяхъ, краткостiю вѣка достичь не могли: Сего ради Iппократъ древнiй Докторъ въ началѣ своихъ писаний глаголетъ: художество долгое, животъ краткокъ.

Вопрошенъ бывъ, что есть добрый прiятель; рече: прiятель добрый есть, вторый азъ.

Слышавъ нѣкоего юношу многоглаголющаго; сице увѣщева: сего ради имамы два уха, а уста едины, да больше слушаемъ, а меньше говоримъ.

Послы Царя Птоломея, многихъ ученыхъ къ себѣ на почесть призваша, и крѣпко прислушивали Зинона, и яко sѣло

ѕѣло мало глаголаше, уразумѣть не возмогли, сего ради рекоша ему, да повѣсть имъ, какову бы о немъ вѣдомость Государю своему донесли. На то, таковъ далъ отвѣтъ: Сице повѣдайте о мнѣ, что видѣли нѣкоего старика, иже умѣетъ на пиршествѣ молчати.

Тотъ вредъ многихъ держится, яко при пирахъ много говорятъ, являясь разумными, а человѣкъ разумный, или молчитъ, или такъ умѣрится, чтобъ инымъ говорить досталось.

Тойже повѣда, лутче поткнутца ногою, неже языкомъ.

Вопрошенъ; коего сéрдца тогда бываетъ, егда кто его лаетъ; повѣда: такóва сéрдца есмь, яко егда бы отвѣта не давъ Посолъ, отпущенъ былъ.

Тойже, егда человѣка своего за вину велѣлъ высѣчь дубцами, а онъ отговаривался, что рокъ его былъ такъ провинитись. Отвѣща: и то потомужъ рокъ былъ, еже ти быть биту.

Обычай многимъ вины свои, или року причитать, или на діавола валить. Того ради глаголютъ, егда правятся, такъ богъ изволилъ, или то сатана на меня навелъ, но богъ нѣсть виновенъ ѕлу, а отъ діавола удобно отгрестися мочно, егда видя ѕлое, не коснешися тому.

Отъ ученій Зинониныхъ сіе избранно: Тайнѣй у тебе той вещи подобаетъ быти, юже слышиши.

Потаковщиковъ, вѣдай, твоимъ всегда быти сѣтямъ.

Нѣкоему говорливому человѣку рече: естьли бы ты моима ушима слышалъ, молчалъ бы.

И тако учаше, не спѣши говорить, слушай много. Кто не умѣетъ молчать, не умѣетъ и слушать, лучше егда единъ доброй хвалитъ, неже много ѕлыхъ.

Глупость есть завидѣть богатому и смѣятися бѣдному.

Что кому сдѣлаешъ, того себѣ отъ иного жди.

Кто всегда бережется, тотъ безъопасно ходитъ.

МЕНЕДЕМЪ, егда его Нікокреонъ Царь Кіпрскій призва купно съ прочими Философы на торжество честно къ себѣ, рече къ нему: О Царю, аще дѣло добро есть то, еже имѣти кругъ себя людей ученыхъ: Того ради пристойно то всегда чинить. А ежели не чинить, то и нынѣ напрасно сіе ты сотворилъ, что насъ къ себѣ призвалъ еси.

Велія

Велія великому господину красота, еже имѣть при себѣ людей ученыхъ, и совѣта ихъ держатися, тіи бо лучше усматривать могутъ, что есть пристойное и что ни, и чему щастіе и чему паденіе послѣдуетъ.

У негожъ, егда Антігонъ совѣта просяше, на бесѣду итти ли ему или ни; помолчавъ мало, ничтоже болше отвѣща, точію то: Царевичь еси.

Аки бы реклъ, яко не подобаетъ тому пиршествами упражнятися, егоже вѣнецъ ожидаетъ.

Нѣкоему глаголющу, яко всего лучше есть, еже бы доступить всего того, чего человѣкъ желаетъ. Менедемъ рече: много паче лучше ничего не желати, кромѣ вещи пристойныя.

Мнози суть очесъ ненасытныхъ, что видятъ диковины, то все видѣлибъ у себя, и нетокмо что видали, о томъ пекутся, но чего и не видали.

Пишутъ о Царѣ Алеѯандрѣ, иже слышавъ отъ Філософовъ повѣдающихъ, яко не единъ есть свѣтъ, но мнози, плакаше глаголя: Увы мнѣ! яко азъ и единаго еще подъ власть свою не покорилъ свѣта.

СТІЛБОНЪ Філософъ, егда Царь Македонскій плѣни градъ Мегару, откуду онъ бѣ, и призвавъ вопроси его, не плѣнишали воини имѣнія его, хотящъ ему отдати;

Сице отвѣща: Отъ моихъ у мене ничтоже есть взято, и не видѣхъ еще, дабы кто у меня разумъ отнялъ.

Філософъ не вмѣняше имѣнія въ дѣло, токмо мудрости, еже есть сокровище неотъемлемое.

Тойже Царь плѣнивъ всю невольничью челядь, и отъѣжжая рече: оставляю вамъ градъ свободенъ. Стілбонъ ему отвѣща: воистинну свободенъ, ни единаго бо невольника въ немъ ты не оставилъ.

Всѣмъ взирающимъ нань, единъ рече отъ нихъ: Се како тебѣ дивятся аки нѣкоему ѕвѣрю; на то имъ отвѣща: Не яко звѣрю, но яко истинному человѣку.

Філософъ бо разумомъ правимый: межъ народомъ есть аки новина, для того дивятся.

ДЕМОНАКСЪ Філософъ повѣдаетъ, не подобаетъ на людей гнѣватись, егда въ чемъ провинятся, но паче вреды ихъ исправлять по образу лѣкарей, иже не гнѣва-

гнѣваются на страждущихъ, но въ нихъ болѣзни лечать. Не всегда гнѣватися подобаетъ, но времянемъ представить вину, и какъ человѣку свободитися ея, постоянно явить, и тѣмъ скоряе доброе что содѣетъ, неже крикомъ.

Вопрошенъ сей: Когда нача забавлятися Філософіею; отвѣща: Въ то время, егда самъ себе познавати начахъ.

Нѣкто борецъ, яко Демонаѵъ обличи его, заеже одѣяся красно на борьбу, удари каменемъ въ лобъ и окровави его, всѣмъ убо глаголющимъ жалѣя его, да идетъ къ градоначальнику; онъ отвѣща: что дѣлать у градоначальника, лучше итти къ лѣкарю.

Тойже вопросилъ нѣкоего, и прїялъ отвѣтъ ярыми словами, рече ему: Азъ тя вопрошаю, а ты со мною глаголешъ, аки бы нынѣ ты Царь Агамемнонъ.

Имутъ обычай нѣцыи въ малой вещи, употреблять словъ необычныхъ.

Агаѳоклей высокоумствуя о себѣ хваляшеся о семъ, яко онъ единъ бѣ Дїалектикъ и лучшїй отъ Дїалектиковъ, того сице на стыдъ приведе Демонаѵъ, аще единъ точїю Дїалектикъ, то како можешъ быти лучшїй, а естьли лучшїй, то како можешъ быть, да будеши единъ.

Узрѣвъ нѣкоего, яко надымашеся вздѣвъ на себя ризу багряну, пошепта ему на ухо глаголя: Сіе прежде сего носила овца, однакожъ не лучше чего была, но токмо овца.

Люди мѣлкаго разума мнятъ, что много имъ прибудетъ отъ того, егда что дорогое вздѣнутъ на себя, а та одежда многоцѣнная, или отъ овчей волны бываетъ изткана или изъ шелка, егоже червочки маленькіи дѣлаютъ, или изъ иной какой худыя вещи.

Къ Лакедемонянину нѣкоему, иже свирѣпствова на невольника своего, сице рече: Престани являти себе подобна невольнику своему.

Той яко невольникъ есть, иже не можетъ свободитися страстей своихъ.

Офіцеръ нѣкто имый во врученіи своемъ отъ Воеводы немалое воинство, совѣта просилъ у него, како возможетъ тотъ чинъ себѣ врученный добрѣ управить; тому таковъ даде совѣтъ: аще не будеши сердитъ, и мало говоря, будешъ много слушать.

Владѣющему воями, не подобаетъ яростію поступать, занеже тотъ часъ остудитца, не будетъ имѣти доброхотящихъ себѣ, подобаетъ же больше слушати, неже глаголати. Такову бо

со-

сокровенну бытпи прдобаетъ, свой совѣты не оказывать, а чужихъ накрѣпко выслушивая вывѣдывать,

Вопрошенъ Фiлософъ, ястъ ли пряники; отвѣща: или чаешъ, что для дураковъ токмо пчѣлы медъ збираютъ.

Егда совѣтова ему Епiктитъ Фiлософъ, дабы женился, являя то за прибытокъ Фiлософу; отвѣща; дай за меня дщерь свою.

Обличая его, что не дѣло глаголаше, иному бо то совѣтовалъ, чего самъ не исполнилъ, Епiктитъ бо не бѣ женатъ.

ПIѲАГОРЪ повѣда, яко во общiе народы вносится роскошъ, потомъ насыщенiе, посемъ насилiе, а наконецъ пагуба.

Тойже повѣда, велико то ученiе, которой стерпѣть можетъ, и покрыть глупость человѣка безумна.

Тойже глагола, вящшее есть совѣсти грызенiе паче тяжчайшихъ мукъ. О мученiи совѣсти пространно пишетъ Ювеналъ, межъ иными дѣлами и сiе воспоминаетъ:

Тiи трепещутъ, егда молнiя блистаетъ.

И на землю бездушныхъ громомъ простираетъ.

Вопрошенъ: что творитъ людей подобныхъ богу; рече: ничто ино, яко правда говорить всегда, и стоять при ней постоянно.

УЧЕНІЕ ПІѲАГОРОВО.

Тѣ вещи наипаче да имутъ быти отдалены отъ человѣка, немощъ отъ тѣла, невѣденіе отъ ума, похоть ѕлая отъ плоти, отъ града несогласіе.

Доброту и благостыню по бозѣ перво любити, та творитъ людей блискихъ къ богу.

Гнѣва елико кто убѣгаетъ, толико больши его гонитъ, и препону ему творитъ. Тогда сами на себя гнѣватись начинаемъ, егда на свое ѕло гнѣваемся, но конецъ гнѣва есть начало покаянія.

Тотъ нѣсть свободенъ, кого высокая мысль надуваетъ.

Инымъ благъ быти не можетъ, иже себѣ ѕолъ.

Двѣ вины суть женска плача, одна отъ истинныя милости, а другая отъ лести и лжи.

Вопроси нѣкто Піѳагора, аще хощетъ богатъ быть; отвѣща: богатство небрегу, яко оно отъ щедроты гибнетъ, и скупость не допущаетъ его употребляти.

Видя

видя нѣкоего во красномъ одѣяніи глаголюща скверны рѣчи; рече ему: или говори рѣчи по твоему платью, или облекися въ одежды подобны твоимъ рѣчамъ и нраву.

Нѣкто отъ кощунъ Пиѳагора слушавъ, рече: лучше бы мнѣ со женами, а не съ мудрецами бесѣдовать; отвѣща: видимъ часто, что свиньи лучше валяются въ грязи, паче чистой воды.

Вопрошенъ: что есть на свѣтѣ новое; отвѣща: ничто.

Инъ же вопроси, что мудрость; отвѣща: размышленіе о смерти, ибо на всякъ день душа̀ отъ тѣла изъити ожидаетъ.

АРХЕСІЛАЙ Філософъ вопрошенъ, что то есть, яко отъ иныхъ сектъ Філософскихъ многи пристаютъ къ Епікурамъ, а едва кто ко иной сектѣ; на то отповѣда; то въ томъ есть, что изъ мужей бываетъ каженникъ, а изъ каженника мужъ никогда не будетъ.

Являя, яко люди склоннѣе суть къ роскошамъ паче, неже къ добродѣтели: Епікуры бо роскошное житіе похваляютъ, а прочіе Філософы житіе доброе любятъ.

КЛЕАНѲЪ

КЛЕАНѲЪ нѣкоему обличающу, яко пужливъ; отвѣща: право реклъ еси, что есмь пужливъ, для того мало и провиняюся. Добръ такой страхъ, которой отводитъ отъ грѣха.

Поругаемь, яко старъ бѣ, отвѣща: радъ бы уже лишился сего свѣта, но егда слышусь, что здравъ и крѣпокъ, аще доведется писать или читать, то паки остаюсь.

ИРАКЛІТЪ Ефесскій повѣда: не менше стоять подобаетъ за уложенія и вольности, якоже за селеніе и градостѣные.

Тойже глагола: больше подобаетъ угасити обиду, дабы пожаромъ до иныхъ не доходила, нежели егда загорится во градѣ.

Мнози противнаго разума, егда загорится, бѣгутъ тушить, а кого изобидятъ, то въ смѣхъ полагаютъ.

ЕМПЕДОКЛІЙ узрѣвъ, что его сосѣди великія роскоши плодили, однакожъ изрядно строились, сице рече: наши Агрігентіны тако обильно живутъ, аки бы имъ утрѣ умереть, а строятся, будто имъ вѣчно жить.

ДЕМО-

ДЕМОКРІТЪ повѣда: скупые люди равно живутъ, якоже пчѐлы безпрестанно работаютъ, собираютъ, акибы имъ здѣ вѣчно жить,

Пчѐлы вещь трудолюбива, но не всегда себе ради трудятся, временемъ бо нетокмо медъ, но и ихъ самихъ выдираютъ, подобно и скупые люди собираютъ съ великимъ промысломъ, еже потомъ въ чужія руки достается.

Демокрітъ вопрошенъ; какое разнство между людей и животныхъ; отвѣща: разумно умствовати.

При бесѣдѣ нѣкоему молчащему сказа: отъ разумныхъ то имѣеши, еже молчати.

И то повѣда, яко приличнѣе скупому быть, неже со вредомъ чуждаго пріобрѣтенія искать, скупость требуетъ лечбы, а прибыль обиды.

ѮЕНОФОНТЪ глаголаше: Въ то время наипаче подобаетъ богу молитись, егда человѣку щастливо есть поведеніе, да нещастію приключьшуся, безбѣдно и съ доброю надеждою помощи прося къ нему притецемъ.

Той сице непщева, аще бѣ и язычникъ, а нынѣ опако нѣцыи творятъ и Хрісті-

Христїане, егда добро дѣлается, о бозѣ не радятъ, а егда нещастїе кое или болѣзнь принудитъ, тогда хотятъ быти богомольны.

ЕПИКТИТЪ Фїлософъ повѣда: яко тїи не суть мерзостни богу, иже въ семъ животѣ различныхъ трудностей употребляютъ, и аки съ нещастїемъ борются.

АНАѮЇМЕНЪ видѣвъ, что Алеѯандръ пр[illegible]де съ своими вои подъ градъ Лам[illegible] съ тѣмъ намѣренїемъ, дабы раз[illegible] его, и изъиде въ стрѣчу ему, егоже онъ и учитель иногда. Алеѯандръ же мнѣвъ, яко Анаѯїменъ Фїлософъ идетъ къ нему ходатайствовати за градъ, и отводить его отъ намѣренїя его, абїе узрѣвъ его, ни ожидая дондеже изглаголетъ что, рече: Кленутися Анаѯїмене, яко ни по которому образу сотворю о просимыхъ тобою. Сїя слышавъ Анаѯїменъ рече: молютися Царю, аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, да градъ сей Ламѱакъ разориши. Узрѣвъ Царь, яко предвари въ намѣренїи, клятвы же преступить не лѣть бяше, повелѣ воемъ отступити отъ града.

Разумный

Разумный вегда есть полезенъ отчизнѣ, и не много мысливъ во всемъ угодити можетъ.

ХІЛОНЪ мудрецъ Лакедемонскій вопрошенъ, чѣмъ люди ученые превосходятъ неученыхъ; отвѣща: доброю надеждою.

Искусніи ученіямъ, обученніи въ добродѣтелехъ и честно житіе ведуще, таковіи надежни суть добраго воздаянія за своя честная дѣла, а не брегущіи о добродѣтели, тіи не могутъ быть помимо воздаянія, да за ѕлыя поступки воздастся добрымъ.

Тойже учаше, яко не подобаетъ ни на кого напущатись словами безчестными, да не глаголюще сущая по мысли, услышимъ досадная.

О семъ глаголетъ Терентій:

Иже глаголетъ, яже хощетъ,
Услышитъ, яже не хощетъ.

Вопрошенъ: что есть трудное, рече, всѣхъ вещей труднѣйше, тайну умолчати.

Тойже повѣда: не подобаетъ грозить никому, перво того ради, яко женское дѣло то, да и для того, что тѣмъ непріятель остереженъ бываетъ.

О женитвѣ

О женитвѣ сицевъ повѣда совѣтъ: жену поими съ среднимъ пожиткомъ, да вмѣсто жены не введеши въ домъ госпожи.

О семъ Стіхотворецъ:

Вскую жены богатой не хощу поятти,
Вѣдай причину, чтобъ ей мною не владати.

Повѣда, яко къ мощи приложитѣ подобаетъ и склонность, да не толико мочнаго боятся подвластніи его, елико почитаютъ, ибо не любятъ кого боятися. Научаше, да юноши старѣйшихъ почитаютъ, чтобъ впредь, егда они состарѣются, ихъ въ чести имѣли.

Древнее обыкновеніе, честь воздавать старѣйшимъ, а Лакедемоняне казняху, егда юншій не почтетъ старѣйшаго.

Тойже глаголаше: тако человѣку разумному подобаетъ умѣрити себе, да меншіи не пужаются его, а честніи дабы не гнушались.

Слышавъ нѣкоего хвалящагося, яко ни единаго имать непріятеля; абіе рече ему: а пріятеля имѣеши ли хотя одного.

Являя, яко дружба и недружба недалече другъ отъ друга ходятъ.

Тойже

Тойже учаше, егда кто кому добро сотворитЪ, не подобаетЪ того самому гласить ни поминать.

НѢцыи такови суть, аще что кому добро сотворятЪ, то всякому сказываютЪ, а временемЪ выговариваютЪ, и тако свое добродѣяніе ни во что вмѣняютЪ.

ПовѢда, яко на всяку неудачю и трудность, лучше лѢкарство имѢти сердце постоянно и друга вѢрнаго.

Тойже глаголаше: хотящему блюсти здравіе свое, всегда подобаетЪ памятовать смерть.

ВопрошенЪ бывЪ, кая старость лучше; сказа; яже подобна юности.

Хранящіися изЪ млада, имутЪ старость легкую и подобну юности, а иже изнурившіи здравіе свое избытками и прочими случаями, тіи всю старость свою во стенаніи проводятЪ, яко инЪ хотѢлЪ бы лучше умрети, нежели быть полумертвымЪ, умереть лучше, нежели животЪ подобенЪ смерти вести.

ХілонЪ вопрошенЪ, что есть щастіе; отвѢща: есть неумѢющій лѢкарь, понеже многихЪ обманываетЪ.

Поучаше друга вЪ нещастіи лучше посѢтить, нежели вЪ щастіи.

Лучше убытокъ терпѣти, неже прибыль ѕлую и неправедну.

Убытокъ бо единожды опечалитъ, а прибыль ѕлая долго нудить станетъ.

Нещастливому не смѣйся.

Въ дому учись добраго господства, языкомъ разума не превосходи.

Не гнѣвомъ господствуй.

Вещей невозможныхъ не желай.

Закону повинуйся.

О комъ что глаголютъ, услышавъ соблюди то въ мысли твоей.

На камени или на оселкѣ злато и сребро познаешъ, а добрыхъ людей самъ разумъ искушаетъ. Въ судѣ недруга егда судиши, суди, дабы уложенье соблюдено было.

АВРЕОЛЪ Філософъ вопрошенъ, какую жену лучше пояти, убогую или богату; отвѣща: убогую питати не трудно, а богатыя нравъ понести, есть то, аки единъ адъ.

ХРІСІППЪ хотящимъ отъ него вѣдати, коея ради вины не хощетъ на ся пріяти правленіе общенародія, ту зададе причину, яко аще быхъ злѣ правилъ, не угодилъ бы богу, а ежели правилъ бы добрѣ, не угодилъ быхъ своимъ людемъ.

КЛЕ-

КЛЕОВУЛЪ мудрецъ повѣда, иже норовитъ ѕлымъ, ѕѣльное ѕло творитъ добрымъ.

Тойже глаголаше, кто обогатится отъ ѕла прибытка, той долго господствовати не можетъ.

УМНЫЯ УЧЕНІЯ ЕГО:

Другу добро твори, да лучшій ти другъ будетъ, недруга же зри, да сотвориши его себѣ другомъ.

Паче намъ подобаетъ блюстися зависти пріятельской, неже навѣтовъ непріятельскихъ, навѣтъ бо непріятельскій явленъ есть, а зависть пріятельская сокровенна и нечаянна на врежденіе.

Егда хощешъ изыити изъ дому, перво помысли, что имаши творити, и житіе свое добрѣ уставь.

Люби ученіе, а невѣденія блюдися, граду совѣтуй полезное.

Свóйство добродѣтели есть воздержаніе, а неправды ошаявайся.

Владѣть возжелѣньми, а съ женами въ содружествѣ не бывать и ни съ кѣмъ не ссориться.

Не смѣйся убогимъ, занеже у нихъ въ ненависти будешъ.

Егда обогатѣеши, не спѣсився, а егда обнищаешъ не скорьби.

ПЕРІАНДРЪ мудрецъ обыклъ глаголати, кто хощетъ быть страшенъ многимъ, многихъ подобаетъ и самому боятись.

Тойже повѣда: елико кто богатѣе, толико печальнѣе.

Тойже глагола: во время щастія ненадобно возноситися, а во время нещастія не подобаетъ отчаяватися.

Люди въ щастіи обилующе, прочихъ легко почитаютъ, а то имъ потóмъ ѕѣло вредитъ, какъ спотknется. Егда приключится что противное, тотъ часъ отчаяваются, но лучше слушать сего Філософа, въ дѣлѣхъ нещастливыхъ великосердеченъ и крѣпокъ явися, а въ великомъ гораздо щастіи разумно надутые щастіемъ парусы да опустиши.

Хотяй безбѣднѣе мучителей укротити, подобаетъ ему добротою а не одѣяніемъ гордымъ явитися, доброта бо есть покой, а мучительство ѕлая польза.

Вещей ѕлыхъ и мерзостныхъ не люби, ни говори.

Аще вещи суть и премѣнны, но честь та вѣчно пребываетъ. Нечестія своего не слави, да отъ того непріятелемъ не даси утѣхи.

Со

Со всякимъ дружися, а не раздражай никого. Что тебѣ годно, того держися.

Насильныхъ вещей стерегися.

большому господину не противися.

Добродѣяніе воздавай, а къ бѣдному милостивъ буди.

Съ разумнымъ общися, а добрыхъ въ почитаніи имѣй.

Вещи правой послѣдуй, не судися о малой.

Опасайся пореченія, слушай тебѣ належащихъ.

Во время отвѣщай, сице же твори да впредь не раскаешися.

Никому завиди, паче всего бѣгай поносу.

Добрѣ заслуженыхъ чти.

Роскошей блюдися.

Аще прегрѣшиши въ чемъ, премѣни изволеніе.

Дружбу храни паче всего.

Не вѣрь времяни, старѣйшихъ почитай, не печалься о бездѣлицѣ, смотри на себе самого.

Вѣдая себя быти смертна, не закладывай живота долголѣтна, обаче буди воздерженъ, аки имый долго жити, а никому не вреди.

Не живали дѣшей отъ честныя жены, да не поречется кто.

Во всякой вещи времяни ожидай, словомъ не ускоряй.

Дари, чтобъ съ прибылью было, дабы тя слово гладко не обольстило.

Не ругайся мертвому, ни въ небытіи кому.

Хощешъ ли съ кѣмъ ссориться, помни его беречися, остави въ мирѣ всякаго.

А не досади никому.

СІМОНІДЪ егда пріиде ко Іерону Королю Сикілійскому, Король же видя его быти человѣка разумна; вопроси: что есть богъ; Філософъ упросился на три дни, мимошедшимъ же днемъ Королю просящу отвѣта, еще лишнихъ дней испроси на размышленіе, Королюжъ вопрошающу: коея ради вины толь долго о томъ думаешъ; рече Сімонідъ: се есть, елико вящше разсуждаю, что есть богъ, толико разумомъ не обемлю, и елико долѣе о томъ размышляю, толико являетъ ми ся вещъ неудобнѣйша.

Тойже, вопрошающу нѣкоему, что лучше человѣку; отвѣща: добрая совѣсть, что горше; рече: другой человѣкъ.

Вопро-

Вопрошенъ: кто истинно богатъ;

Отвѣща: кто ничего не желаетъ.

Паки вопрошенъ, кто бѣдняе; рече: человѣкъ лакомой.

Вопрошенъ, какое приданое большее невѣстѣ;

Отвѣща: чистота и стыдѣніе.

Вопрошенъ паки, по чему знать разумнаго; отвѣща: иже не вредитъ, хотя можетъ, неистоваго же по сему знать, иже хощетъ вредити, но не можетъ того достичь.

РѢЧИ ЕГО:

Безбѣднѣе молчати, неже говорить, молчанія бо ради ни единъ въ безчестіе вниде, отъ многословія же мнози.

Не вини никого въ вещахъ противныхъ.

Утѣха есть невинному, не по правдѣ страдать.

Щастіе скоро оставитъ, а добрая надежда никогда.

ГОРГІЙ Леонтинъ вопрошенъ: како достиже таковаго вѣка, яко бысть сто седьми лѣтъ; отвѣща: никогда лишняго употреблахъ въ яденіи и во иныхъ вещахъ.

Вопрошенъ: почто еще хощетъ жити на семъ свѣтѣ, занеже довольно ужè поживе;

Отвѣща: не имѣю за что негодовати на свою старость.

Тойже бывъ близъ смерти, утихъ мало, и друзи вопросили его, что творитъ; отвѣща: сонъ сестрѣ своей уже починаетъ меня предавати.

Смерть сестру сну нарицаетъ того ради, ничто бо подобно мертвому, яко человѣкъ спящій.

Иже легко кончается, такъ исходитъ, аки бы засыпалъ.

АНАХАРСИСЪ бѣ Татаринъ, но возлюбивъ ученіе, иде во Аѳины Философіи ради, и бысть Философъ, еже рѣдко въ Татарѣхъ бываетъ.

Той убо вопрошенъ: како кто піянство остудити можетъ; отвѣща: тѣмъ образомъ остудитъ, аще всегда предъ очи свои ставить будетъ людей пьяныхъ скверные нравы.

Тойже вопроси: колико доски у кораблей толсты; егдаже возвѣстиша, что не больше четырехъ перстовъ; рече: таково далече и отъ смерти отстоятъ, иже по морю плаваютъ.

Вопрошенъ: коихъ людей болше, живыхъ или мертвыхъ; отвѣща:

А по морю плавающихъ, въ которомъ числѣ полагаешъ;

Руга-

Ругашеся ему нѣкто, что выродокъ былъ изъ Татаръ; отвѣща: мнѣ въ стыдъ моя отчизна, а ты въ стыдъ твоей отчизнѣ.

ЕПІКУРЪ повѣда, аще, яко природа употребляетъ, жити будешъ, то убогъ не будешъ, а естьли по прихотямъ, то никогда богатъ.

Глаголетъ бо притча: естество человѣческое малымъ довольно.

Начало спасенія есть, грѣховъ своихъ познаніе и о смерти помышленіе.

Печалитися не дастъ, кто учитъ безъ грѣха жить.

Кощунство излишній грѣхъ наноситъ, пированіе, со женами общеніе и иныя вещи къ пиру належащіе, веселія животу не приносятъ, но учтивые разговоры, и кроткое на пиру въ яденіи и питіи употребленіе.

ТІМОНЪ узрѣвъ нѣкоего всякой вещи дивящася; рече къ нему: и тому бы ты дивился, хотя насъ здѣ и трое, однакожъ у всѣхъ троихъ четыре ока.

Тїмонъ бо и ученикъ его Діоскорідъ бѣста однооки.

АПОЛЛОНІЙ Філософъ вопрошенъ отъ Царя Вавілонска, како возможетъ

 безбѣд-

безбѣдно царствовати, отвѣща: аще многихъ почтиши и благодѣяньми своими взыщеши, и немногимъ ввѣрятися будеши.

ДИМИТРІЙ Фалерей Птоломею Царю Егіпетскому совѣтова, да возлюбитъ чтеніе книгъ надобныхъ. Ту пользу отъ того являя, яко чего не смѣютъ Царемъ и Княземъ пріятели говорить, то сами обрящутъ, часто книги прочитая.

Книги бо суть зерцало, аще и не говорятъ, обаче всякому вину и порокъ обьявляютъ.

ЕПІМЕНІДЪ мудрецъ Крітскій.

Въ нѣкое время Царь Перскій, хотящъ искусити сего, да намѣреніе свое премѣнитъ, и къ нему пристанетъ, посла ему многое число денегъ, Послы же пришедше тому обѣдающу, онъ повелѣ ихъ пустити къ себѣ, ядый же масло сице къ нимъ рече: слышите, обѣдъ сей измѣнника слышитъ, того для отнесите назадъ деньги къ Царю, ибо деньги лакомому мука, свободному честь, а измѣнникомъ смерть.

АПУЛЕЙ мудрецъ Афинскій, егоже ученія сія бяху:

Ничто-

Ничтоже богу подобнѣе есть, точїю мужъ достаточнаго разума.

Будеши ли богатъ, не вѣрь щастью.

Младъ ли еси, будешь и старъ.

Красенъ ли еси, пожди мало, и не будеши таковъ, но иже ученъ и мудростїю одаренъ, того хвали, старъ или младъ, не бо то имать отъ отца по наслѣдїю, ни по прилучаю, ни отъ мїра сего премѣннаго.

Убожество учтивое лучше грады правитъ, ибо оно есть учитель всѣхъ художествъ, тѣмже всякїя славы достойно, и всѣми роды чтимо быти и́мать, то всѣ во Арїстотелѣ бѣ праведно, въ Платонѣ добротворно, во Епамїнондѣ удачно, въ Сократѣ мудрое.

Таково убожество людемъ Римскимъ Цесарство и первенство содѣяло, но пото́мъ гордость по обилїю и богатству къ паденїю оное приведе.

ЕРМІСЪ мудрецъ Египетскїй, иже и Трїсмегїстъ [сирѣчь тревеликїй, занеже славяше бога въ Троицѣ] бѣ нареченъ, во Аѳинѣхъ пребысть, той сто осмьдесятъ селъ насели, и тыя вся къ закону божїю приведе, и къ познанїю правды и во презрѣнїе свѣта, и къ соблюденїю правды людей, елико мо-

жаше

жаше ученїемъ своимъ приведе, егоже сїя суть пóвѣсти:

Хотящему премудрости держатися, подобаетъ ѕлыхъ дѣлъ ошаяватися.

Блюди себе отъ владѣющихъ надъ правдою, убожество, съ добрыми дѣлами лучше люби, паче прибыли сущїя со грѣхомъ.

Соблюсти въ думѣ тайну, есть велика доброта, не разрѣши языка на непрїятеля твоего.

Блюди себе отъ клеврета ѕла, завидлива, спроптива, игрателей, ругателей гнѣвливыхъ и несмысленныхъ.

Не завиди ѕлому, егда ему добро поводитца, ѕлыя словà да не изыдутъ изъ устъ твоихъ, терпѣнїе есть оставить тогда, егда можетъ отмстити.

Иже разумныхъ въ чести имѣетъ, той правду любитъ и добро творитъ.

Бѣденъ той на семъ и на ономъ свѣтѣ.

Кто ученїе и премудрость оставляетъ.

Лучше свободный въ поученїи, неже въ богатствѣ, велико милосердїе есть, еже о глупомъ милосердовати, безбѣднѣе всѣхъ, иже грѣха не ймать.

Тотъ

Тотъ не можетъ истинно совершеннаго разума быть, иже въ чистотѣ себе не блюдетъ.

Лучше самому себя наказывать, неже иному. Вся погибнутъ, кромѣ добрыхъ дѣлъ, все измѣнится, кромѣ естества, все исправится можетъ, кромѣ ѕлаго дѣла.

Все измѣнится, кромѣ суднаго дни.

Погрѣшенïе разумнаго человѣка, много иныхъ блазнитъ.

Княземъ и вельможемъ прилично оглагольниковъ и ласкателей у себя не держать.

Лучше быть безплодну, неже сыны имѣть ѕлонравны.

Не вѣрь глаголющему, яко любитель есть правды, егда что противъ ее творитъ, или говоритъ.

ПЛАУТЪ Стïхотворецъ Комïцкïй, ученикъ Тульлïевъ, не имѣя инаго дѣла, токмо комедïи слагалъ, бѣ бо ѕѣло благоязыченъ. Изъ письма его сïя ученïя его выбраны:

Деньги суть причиною хлопоты.

То первое добро, кто при своемъ стоять хочетъ. Аще за службы свои воздаянïя не желаемъ, сами себе облыгаемъ.

То

То дивно, которой тебя знаетъ, гнушается, а кто не знаетъ, любитъ.

Въ дружбу и въ вѣрность шута не принимай.

ВАРРОНЪ Марко красноглаголатель Римскій, бѣ мужъ ученъ, разума остраго, во всѣхъ дѣлѣхъ мірскихъ ѕѣло объятенъ, изъ книгъ его здѣ нѣкія рѣчи положены: Одному противъ многихъ вымышлять, блазнь есть.

Дара, каковъ ни буди, аще не есть благодаренъ, не вмѣняй его въ благодѣяніе, но въ хищеніе.

Мерзско есть уповати на дачу, а утѣшное дѣло за доброе воздавать.

Друзья богатыхъ суть мякина около зерна.

Хощешъ ли друга отвѣдать, явись ему печаленъ.

Согласіе и нравы добрые въ обще укрѣпляютъ, а живущихъ вкупѣ разумы исправляютъ.

ѴІСТЪ мудрецъ, егоже ученія сія суть:

Каковъ хощешъ быти, егда богу молишися, таковъ веседа буди.

Каковыхъ хощеши своихъ ближнихъ къ себѣ имѣти, таковъ самъ къ нимъ буди.

Что

Что доброе твориши, вѣждь яко то отъ бога е́сть.

Ничто за доброе полагай, еже воръ отнять можетъ, то токмо въ добро имѣй, что есть богу угодно.

Одѣяніе души́ твоей вѣждь, яко есть тѣло твое, сего ради соблюди оное отъ оскверненія.

Души́ смерть не погубитъ, но ѕлое житіе

Ушей твоихъ невсякому ввѣряй.

Разумный любитъ бога, а богъ ду́шу разумнаго.

СЕКУНДЪ мудрецъ, иже во Аѳинѣхъ бѣ, написа сіе:

богъ есть умъ безсмертный, высота недомыслимая, ѵпостась всѣхъ вещей, око неусыпающее, вседержительное, свѣтъ человѣческій.

ГАЛИНЪ Докторъ преславный, егоже ученія сія суть:

Ученіе глупому ни въ чемъ не полезно, ни разумъ тому свойствуетъ, егоже кто не употребляетъ.

Человѣкъ всзвышенъ, тогда разумомъ управляется, егда самъ себе познаетъ.

Та есть большая мудрость, еже самого себя знать, да любленіемъ самого себе человѣкъ не обольстится, такожде да не возмнитъ себе быть добрымъ. не бывъ такимъ, яко немощенъ доколѣ живъ, всегда лекарства смотритъ, дабы оздравѣть, котораго совершенно достичь не можетъ.

СЕНЕКА мудрецъ, сія ученія изъ книгъ его избраны суть:

Ученіе и наказаніе творитъ благіе нравы, и уразумѣть себя гораздо учащемуся, благое обыкновеніе то вонъ изгоняетъ, чего набралось злое.

Многихъ, иже суть житія раздѣльнаго, смерть безвѣстна сравняетъ, сего ради всякій день аки послѣднее смотрѣніе быти и́мать.

Лакомство стараго, морскому чуду есть подобно.

Миръ съ людьми, а со грѣхами всегда борьбу имѣй.

Иному буди въ незнаемствѣ, а самъ себѣ никогдаже.

Удобѣе человѣку убогу осужденія гонзнути, неже богатому зависти.

Нача́ло спасенія есть, грѣховъ познаніе.

Вся

Вся дѣла съ дѣлами твоими да равняются.

Тотъ бо разумъ нѣсть правъ, егоже дѣла отъ вещи дѣлятся.

Яко хожденіе умѣренно прилично человѣку разумну, такожде и рѣчи разумнаго подобаетъ быти учтивой, а незапинаемой. Вси влечемся къ радости, но откуду можемъ ея сподобитися, не вѣмы.

Разумный же никогда безъ радости не бываетъ. Радость же таковымъ не родится, токмо отъ благости и ученія.

Такова нитлѣетъ, ни измѣняется.

Щастіе чего тебѣ не дало, того не отоймешь. Прежде старости размысли добромъ жити, потомъ добромъ умереть.

Иже бѣгаетъ чиноначалія, тяжкое бремя съ себя слагаетъ.

ВОЕЦІЙ мудрецъ Римскій и житель, бѣ мужъ постоянень и любитель правды, предстательствова противу насильникомъ творящимъ обиду убогимъ.

ПРИТЧИ ЕГО СУТЬ СІЯ:

Трудность ученія всякаго, человѣческимъ тщаніемъ умягчаема бываетъ.

Мудрость никому ничего, или мало безъ правды пользуетъ, подобно вѣденіе

безъ мудрости sѣло мало, или ничего не платитъ воздаянїемъ.

Кто въ ученикахъ не бывалъ, тотъ учителемъ не будетъ.

Нѣсть достоинъ ученїя, иже наставленїя учителева не прїемлетъ терпѣливо.

Вїно въ мѣру употребляемо разумъ остритъ, а безъ мѣры пїемо, разумъ и здравїе портитъ.

Смыслъ честенъ, память изобразуетъ, а забвенїе глупость наноситъ.

Безъ писанїя едино ученїе не можетъ быть соблюдено. Нужное художество есть весгда чужаго домовидства употребляти. Вещи разумными людьми творимые, добры суть.

Кто на небѣ сидѣнїе и мѣсто обрѣте, тотъ отказу не боится.

Ежели что правленїемъ пройдено будетъ мимо, то добраго конца не достигнетъ.

Человѣкъ разумный нетокмо о началѣ тщится, но и о докончанїи.

Лакомство творитъ людей небрегомыхъ и завистливыхъ, а щедрота прїятныхъ.

Естество немного требуетъ.

Щастїе того не можетъ намъ дать, что естество отъемлетъ.

Слу-

Служебники невѣрные, суть утробы вредительны въ дому. Имѣніе, еже кто и́мать, часто въ убытокъ доводитъ.

Аще страха божія не будетъ, весь свѣтъ погибнетъ.

Мысль человѣческая по естеству отъ хотѣнія своего къ доброму склонна, но заблужденіе щастія ону облыгаетъ, и похотьми обольщеваетъ.

Всякая болѣзнь нѣсть такова̀ вредна, яко супостатъ домашній.

Между разумными нѣсть ненависти, прилучай есть сотвореніе вещи нечаянной безъ хотѣнія сотворенное.

О! дабы люди размышляли, что имутъ размышляти, разумѣли, еже потребно есть разумѣти, видѣли, еже и́мать видимо быти, слышали, еже подобаетъ имъ слышать, творили, еже и́мать быти творимо, во всемъ бы повольность имѣли, и никогда бы другъ другу противни были.

Человѣче смерть помни, а самого себя знай, познай, кто еси, отъ чего зачался, такожде и родился, яко и умреши.

Аще младъ еси, состарѣешися.

Аще красенъ, будеши абіе ѕлообразенъ, различны премѣны на тѣлѣ твоемъ позна́еши.

Вѣ единомѣ состояніи не долго пребудеши.

Вся бо кромѣ бога измѣняются.

Прежде времяни не былѣ еси, и по маломѣ часѣ не будеши.

Каково сѣмя, отѣ негоже родился еси, кую пищи матери твоей пріималѣ еси, вѣ чемѣ затворенѣ былѣ еси, почто же толикихѣ хощеши, и за высокія вещи хватаешся, пріидетѣ время, яко ничто будеши, изѣ землй изшелѣ еси, и вѣ землю возвратишися, едина душа безсмертна есть.

Гдѣ суть предки наши, аки бы никогда не были. Сего ради аще премудрости сподобитися хощешѣ, пріими ю, и научися ея, она бо есть сокровище многоцѣнное и некрадомо, и отѣ малаго человѣка творитѣ велика, а отѣ убога богата, отѣ обща единаго.

Аще бо кто чести плотскія не имать, той мудростію отѣ многихѣ иныхѣ почтенѣ бываетѣ, и много краты чины и дѣла, тако воспріемлетѣ.

Сего ради блаженѣ человѣкѣ, иже обрѣте премудрость. Почитай точію, и чтый научишися: ибо кто добрѣ чтетѣ, той сѣ богомѣ бесѣдуетѣ, и частымѣ чтеніемѣ человѣкѣ разуменѣ бываетѣ.

КРАТ-

КРАТКИХЪ

И УЗЛОВАТЫХЪ ПОВѢСТЕЙ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ВЪ НЕЙЖЕ ПОЛОЖЕНЫ ПОВѢСТИ КЕСАРЕЙ РИМСКИХЪ, КОРОЛЕЙ, КНЯЗЕЙ, ВОЖДЕЙ ВОИНСКИХЪ, СЕНАТОРЕЙ И ИНЫХЪ ЧИНОНАЧАЛЬНМХЪ.

ЮЛІЙ Кесарь римскій, въ нѣкое время незапно хотящь перевестися чрезъ море, а буря толь велика восстала, что и самъ кормчій ѕѣло испужался, тако рече къ нему: не пужайся, Кесаря везеши.

На нѣкоемъ бою увидѣвъ знаменщика одной роты, яко нача назадъ бѣжати, ухватилъ его и въ передъ подалъ, и указавъ ему полкѝ непріятельскіе; рекъ: а куды хощешь, се здѣсь тѣ суть, съ которыми бой начали.

Егда у стола начался разговоръ, которая смерть всѣхъ легчае;

Іюлій сказалъ: легчае всѣхъ ненаячнная.

Которая его не миновала, занеже измѣною лучшіи отъ Римлянъ, зговорясь на него за то, что самъ только государствовати восхотѣлъ, и Монархомъ учинился было, въ Сенатѣ убили его, давъ ему 22 раны. Римляне бо по вся годы двѹ правителей, которые всѣмъ государствомъ правили, между себе избирали, ихъ же звали Vпатами, а Монарха надъ собою имѣти не хотѣли.

АВГУСТЪ Кесарь, егда пріиде къ нему та вѣсть, что Иродъ Царь Жидовскій вся младенцы въ Сиріи [искавъ Іисуса новорожденнаго] изби, посреди же ихъ ни сына своего пощадѣ, сице рече: такимъ дѣломъ, лучше у Ирода быть свиньею, нежели сыномъ его, Иродъ бо бяше Жидовинъ, а Жиды мясъ свиныхъ не ядятъ.

Тойже Кесарь не хотя нѣкоего юношу имѣти въ полка́хъ ѕлыхъ ради его дѣлъ, велѣлъ ему прочь ити, онъ же съ прошеніемъ моли, да не творитъ ему тако́ва безчестія; глаголя: яко не возможно ему ко отцу на очи явитися съ тою вѣстію. Сице къ нему рече: егда вопросятъ тебя, чего ради съѣхалъ; скажи: что я тебѣ не полюбился.

Услы-

Услышавъ нѣкоего воина вельми о томъ хвалящася, что имѣлъ язву на лбу отъ удара каменемъ, такъ рече ему: въ другой рядъ, какъ тебѣ случитца бѣжать съ побоища, накрѣпко берегись, дабы не смотрѣть назадъ.

Егда возвѣстиша ему, что единъ отъ благородныхъ римскихъ ѕѣло одолжалъ, и по его смерти долги толики обрѣлись, что весь его служилой нарядъ доведетца продавать и долги платить. Приказалъ отъ его животовъ себѣ купить его одѣяло, тому егда вс̂ѣ подивились: рече Кесарь: молчите, ѕѣло мнѣ надобно одѣватись къ спанїю, понеже моглъ и онъ подъ нимъ спать, хотя столь много долговъ на немъ.

Долги сонъ любезный часто разрываютъ, и велицы вельможи въ нихъ не досыпаютъ. Тотже Кесарь, егда возвращашеся съ войны съ великимъ торжествомъ, изъиде ему во срѣтенїе нѣкто отъ небогатыхъ дворянъ, носяй съ собою ворóну, которая научена была сице Кесаря во градъ въѣзжающаго поздравлять:

Здравствуй Кесарю Государь нашъ, непобѣдимый Воевода, тому Кесарь удивлься велѣлъ драгою цѣною заплатить.

То видѣвъ нѣкто сапожникъ убогой потщился учить ворона такому же поздравленію, а заеже воронъ нескоро въ то дѣло вникнути моглъ, тотъ сапожникъ при тѣхъ тамъ словахъ часто говаривалъ и то: ото и работа и протори ни во что, и хотя не скоро научился воронъ того поздравленія; явился съ нимъ Кесарю, и поздравила птица Кесаря, Кесарь же противъ того сказалъ: довольно имѣю такихъ поздравлятелей, въ то время птица и тѣ слова выговорила: ото и работа и протори ни во что. Сія слышавъ Кесарь ѕѣло цѣнно велѣлъ заплатить.

Также и попугая и сороку тоже говорить умѣющихъ дорого купилъ.

Тому Кесарю бысть дщерь Юлія, у которой понеже прежде времяни въ головѣ почали волосы сѣдые являтись, велѣла ихъ у себя въ чертогахъ вырывать. Случилось, что засталъ Августъ, а ей щиплютъ тѣ власы сѣдые, и сперва ничто рече, потомъ въ разговорѣ помянулъ и о старости, и вопросилъ дщери своей, что бы себѣ изобрала, сѣда ли быть, или плѣшива, егда она рекла: лучше быть сѣдою. Августъ рече: почто же даешъ тѣмъ госпожамъ щипать у себя власы, дабы тебя прежде сотворили плѣшивою.

Егда дарили его Французы изрядною чепью золотою, Долябелья благородный Римскій, крѣпко ея добивался, а потóмъ и явно просилъ, дабы его подарилъ. На сïе рече Августъ: лучше мнѣ подарить вѣнцомъ гражданскимъ.

Вѣнецъ гражданскій бѣ въ великой чéсти, аще отъ дубовыхъ и верьбныхъ вѣтвей бывалъ сплетенъ, а полковой и побѣдительный бывалъ золотной, и занеже Долябелья на войнахъ не бывалъ, для того ему Кесарь отказалъ въ дарѣ золотомъ, а почтилъ его честнымъ поминкомъ, яко добраго гражданина.

Егда о единомъ Французѣ Августу жена его билачеломъ, дабы его припустилъ къ вольности Римской, не восхотѣ сотворити того никоими мѣрами, только отъ всѣхъ податей свободна его учинилъ, глаголя: лучше да изъ казны моей доходовъ что убудетъ, нежебы честность града Римскаго въ легкое почитанïе произходила.

Кесарь Августъ не былъ горделивъ, егда кто его на пóчесть звалъ, ни кѣмъ не гнушался, случися же быть ему на пиру у Поллïона Римлянина, тамо по случаю челядникъ хозяйской разбилъ скляницу хрустальну, котораго госпо-

динъ взять велѣлъ, и бросить въ прудъ къ лютымъ рыбамъ муренамъ, видѣвъ малой что не шутка, припадъ къ ногамъ Кесаревымъ молилъ, да иною смертїю будетъ казненъ, тѣмъ разгнѣвався Кесарь, повелѣ вся сосуды хрустальныя побить, и въ прудъ побросать вмѣсто онаго челядинца, а его на волю пустить. Поллїона же наказа глаголя: идѣже Кесарь есть особою своею, тамо нетокмо не подобаетъ человѣка казнити, но ни опечалити.

ТІВЕРІЮ егда письмомъ своимъ нѣкто докучалъ, яко ѕло о Кесарѣ говорятъ, сице отписалъ: За слова̀ незачто бранитися, полно и того, что намъ никто ѕла здѣлать не можетъ.

Тїверїй Кесарь толь смиренномудръ бѣ, яко егда нѣкто его нарече Государемъ, ѕѣло его неблагодарно прїя; рекїй: впредь не зови мя къ моему безчестїю сице.

Егда о немъ ѕлая глаголали, и пи́сьма подметныя писали, друзья его поущали его, да отмститъ, но онъ сице на то отвѣща: Въ свободномъ общенародїи требѣ есть, да будетъ и языкъ свободенъ.

ОТТОНЪ

ОТТОНЪ умирая сродника своего сице увѣщевалъ: имѣй себѣ въ крайній поминокъ отъ меня, ни весьма забывай, ни лишнее памятуй, что имѣлъ ты дядю Кесаря.

Нѣцыи честныхъ сродниковъ имѣюще, гордо поступаютъ, потомъ и до нужды приходятъ, иніи же не смотря на сіе, чину своего не брегутъ, обаче лучше всему мѣра.

ТІТЪ Веспасіанъ отъ друговъ своихъ зазрѣнъ бѣ, что никакому челобитчику не отказывалъ, но не медля прошеніе исполнялъ, хотя съ убыткомъ казны своей, сице имъ отвѣща: Инако мнѣ творить не годится, занеже не дѣльно, дабы кто бывъ у Кесаря, имѣлъ отъ него печальнымъ лицемъ отходить.

Тойже при трапезѣ вечерней нѣкогда рече: Даромъ день сей погубихъ: что сего дня никому ничего не даровалъ.

Егда два Вельможи на него совѣщались убить его, и свидѣтельствомъ то обьявилось, Кесарь Веспасіанъ давъ имъ въ руки по мечу, самъ сѣлъ среди ихъ рекъ имъ: Да исполнятъ то, что въ мысли своей усовѣтовали. Егдаже они ужаснулись, и руки отъ страха опустили, рече имъ: Зрите, яко государствованіе

ствованіе по смотрѣнію божію дано бываетъ.

Суетно тщаніе тѣхъ, о томъ покушатися, дабы доступить, или доступивъ, дабы не потерять.

ТРОЯНЪ Кесарь имѣлъ изъ нача́ла Епарховъ и поборцовъ великихъ грабителей, яко идѣже бы послышали о людехъ много имѣнія имѣющихъ, оклеветавъ ихъ, имѣнія ихъ похищали, о томъ увѣдавъ Кесарь, абіе унялъ такую обиду, рекъ: казна есть аки селезенка, егда напрягается и ростетъ, тогда сохнутъ иные уды.

Егда его въ томъ пріятели обличали, что не опасая величества своего ко всякому былъ склоненъ, сице имъ рече: Пристойно, дабы таковъ явился среднему человѣку, сый Кесарь, како́ва бы себѣ желалъ, егда бы я среднимъ былъ человѣкомъ.

АДРІАНЪ Кесарь видѣвъ невольнаго слугу своего ходяща межъ двѣма Сенаторы, послалъ слугу, да ударитъ его въ щоку, и тѣ слова̀ скажетъ, не мѣшайся межъ такими, которыхъ невольникомъ быти можешъ.

Едино-

Единожды, егда всѣ люди на игрищахъ съ великимъ крикомъ того домогались, чтобъ нѣкоего возницу свободою пожаловалъ, таковъ имъ далъ отвѣтъ письмомъ: то нѣсть пристойно о чемъ, просятъ: ибо аще бы не своего невольника на свободу пустилъ, великая бы въ томъ дѣлѣ учинена была обида господину, чей онъ.

Просилъ его сѣдый человѣкъ, и не улучивъ прошенія, велѣлъ свой волосы очернить, и съизнова билчеломъ. Кесарь же узрѣвъ, что обманомъ съ нимъ идетъ, рече ему: Напрасно бьешчеломъ, отказано ужѐ отцу твоему.

АНТОНІНЪ Кесарь имѣлъ обычай, яко ни домашнихъ, ни воинскихъ дѣлъ безъ совѣта разумныхъ людей не дѣлывалъ, а говорилъ: лучше мнѣ держатися совѣта многихъ разумныхъ людей, неже имъ многимъ управляемымъ быти отъ меня одного разсужденіемъ.

АЛЕѮАНДРЪ Царь таковъ былъ щедролюбивъ, что никому въ прошеніи не отказывалъ, а кто ни о чемъ не бивалчеломъ, тому такъ говаривалъ: почто мнѣ ни о чемъ не бьешчеломъ, или хощеши мя быти твоимъ должникомъ.

Во время похода, егда кто изъ ратныхъ зашелъ бы въ чужее село, того жестоко наказывалъ, глаголя: Что не хощеши видѣть въ твоемъ имѣніи, того въ чюжемъ не дѣлай.

Тойже Царь всегда того стерегъ, чтобъ ратнымъ людемъ денегъ не задерживали, глаголя: Служивой ни о чемъ не тужитъ, когда одѣтъ, добрѣ вооруженъ, и хлѣбъ имѣетъ, и мало что денегъ.

Ветронія нѣкоего обыкшаго великіе подарки брать, обѣщавающа всякому много у Царя дѣлъ дѣлать, а всегда лгалъ, и егда на него довели, велѣлъ у столба привязать и курить подъ нимъ, а приставу указалъ громогласно кричать: Се того дымомъ подкуриваю, которой дымы продавалъ.

Егда АВРЕЛІАНЪ въ Тіѣъ градъ пріиде, врата заперли граждане, о томъ яростію движимъ великою, рече: Собаки въ томъ градѣ живой не оставлю. Сіе слышавъ вои ни, зѣло тому случаю ради были, надѣясь немалой корысти, тогда единъ отъ гражданъ Ерадамонъ, опасаясь, дабы съ прочими не погибъ, предался къ Кесарю и граду измѣнилъ. Кесарь взявъ градъ во свое владѣніе, гражданина

жданина того яко измѣнника отчизны казнить велѣлъ, а егда воини домогались, чтобъ по своему обѣщанію градъ предалъ на плѣненіе, тако имъ отвѣща: Добро обѣщахъ собаки единой не оставить во градѣ, того ради избейте всѣхъ.

Тѣмъ онъ измѣннику мзду пристойну отмѣрилъ, а лишнія прихоти въ воехъ своихъ усмирилъ.

Тотже Кесарь ѕѣло не любляше обидъ отъ воевъ людемъ творимыхъ, яко къ намѣстнику своему, егоже въ полка́хъ оставилъ: такъ написалъ: Аще любишъ здравіе твое, не попущай своеволить ратнымъ людемъ, да не похититъ кто у кого что, ни курицы, ни овцы, ни ягодъ изъ винограда да не берутъ.

ФІЛІППЪ Царь Македонскій, отецъ Алеѯандровъ, егда покори государства Греческія, совѣтовали ему нѣцыи, дабы грады осадилъ воями, дабы сызнова не измѣнили, сице на то отвѣща: Лучше мнѣ, чтобъ меня долго добрымъ звали, неже на малое время.

Нѣкто отъ егожъ подданныхъ обыклъ говорить ѕло про него, егоже наказати изгнаніемъ совѣтовали Царю, но онъ не восхотѣ того сотворити.

Вопро-

Вопрошенъ же о причинѣ, отвѣща: Того ради не хочю изгнати его, дабы шатаясь сѣмо и овамо, не говорилъ больше ѕла о мнѣ.

Два юноши оба ненадежны, приставили другъ къ другу, и пошли въ судъ предъ Царя, Царь же уразумѣвъ дѣло ихъ, таковъ учинилъ приговоръ: Одного приговариваю въ ссылку сослать, а другому велю за нимъ въ слѣдъ гнать.

АЛЕѮАНДРЪ Царь Македонскій, сый еще юнъ, отецъ рече ему: Да на игрищахъ Олімпійскихъ въ запуски съ кѣмъ бѣжитъ, отвѣща: Сотворилъ быхъ сіе, ежели бы то дѣло шло о выигрышѣ.

Онъ же отцу его Філіппу ранену бывшу на войнѣ и хрому въ народъ выити стыдящуся, рече: Нѣтъ то ничего отче, обьявись людемъ, занеже такъ ходя, лучше памятовать будеши храбрость. Тогожъ АлеѮандра нѣкто Періклъ имянемъ, молилъ, да учинитъ ему вспомогательство, дабы возмоглъ дщери свой за мужъ выдать, приказалъ дать ему пятьдесятъ талантовъ, егда же рече: много того мнѣ, довольно будетъ и десяти, АлеѮандръ рече: Тебѣ довольно толь много взять, но мнѣ не довольно толь мало дать.

Анаѯарху:

Анаѵарху Філософу повелѣ толико дать, елико хощетъ, егда же начальникъ казны доложилъ Кесарю, яко многаго числа проситъ, се есть сто талантъ, повелѣ ему дать, рекій: Добро дѣлаетъ, яко вѣдаетъ, что имѣетъ такова пріятеля, который ему толь много дать и хочетъ и можетъ.

Единъ владѣлецъ, хотя имѣлъ градъ непреборимый, обаче доброволно здался Алеѯандру, онъ же нетокмо его при томъ имѣніи оставилъ, но и сверьхъ того ему придалъ, глаголя: Кажется, что не глупъ тотъ человѣкъ, иже похотѣлъ лучше здравіе свое ввѣрити храбру мужу, нежели крѣпкому мѣсту.

Увѣдавъ нѣкоего не добрѣ о немъ глаголющаго, ничто ино, только то рече: Царское дѣло еже добро творить, а ѕлая пореченія терпѣть.

Тойже вопрошенъ: гдѣ хранитъ свой сокровища; рече: У своихъ пріятелей.

Являя, яко то все надежно сокровище, которое полагаемъ у пріятелей. Во время бо нужды емлемъ ихъ аки свое. Въ нещастіе, еже бо даруеши прятелемъ, и чѣмъ кого когда взыщешъ, то всегда напреди сыщешъ.

Егда жалобы какой слушалъ, всегда одно ухо закрывалъ, вопрошенъ же: Для чего то творитъ; отвѣща: Другое ухо оставляю сторонѣ отвѣтчиковой.

Арістотеля Філософа имѣлъ въ великомъ почитаніи, о которомъ такъ говаривалъ: Не меньше долженъ есьмь учителю своему, яко и отцу, отъ отца бо имѣю животъ, а отъ Арістотеля то имѣю, чемъ житіе мое добрѣ препроводить могу.

Имѣя въ плѣнѣ дщери Царя Персидскаго, дѣвы ѕѣло красны, не восхотѣ на ихъ красоту взирати; глаголя: Подобаетъ ми крѣпко сего опасатись, дабы побѣдивъ толь много народовъ, не былъ я побѣжденъ отъ женскаго пола.

Къ сему Алеѯандру принесше изъ казны Царя Дарія скрыну дражайшую, вопросили: Во что ея употребить; рече: По моему разсужденію всего лучше хранить въ ней книги Омировы. Являя, яко ученія и писанія людей ученыхъ подобаетъ имѣти въ великой чести.

Егда великое воинство Даріево стало обозомъ недалече отъ обоза Алеѯандра Царя, хотя съ нимъ сразитися. Парменіонъ Воевода его, видя неисчетное множество полковъ непріятельскихъ, совѣтова Царю ночью на нихъ ударить.

 Алеѯандръ

Алеѯандръ же не вдався совѣту его, рече: не обыкохъ красть побѣды, всегда честнѣе съ непріятелемъ явнымъ боемъ битися, а не обманомъ.

У древнихъ язычниковъ бѣ обычай: людемъ ученымъ или храбрымъ въ память ихъ отъ мѣди или иной какой вещи личины ставити, такова личина бѣ и Ахіллесова, къ которой пришедъ Алеѯандръ, украсилъ оную вѣнцами; глаголя: Щастливъ еси Ахіллесе, иже при животѣ твоемъ особаго друга имѣлъ Патрокла, а по смерти преславнаго Стіхотворца Оміра, иже пишетъ о храбрости твоей.

Дѣла человѣческія хотя бы пречестны были, абіе изъ памяти людской излетятъ, аще ихъ писанія людей ученыхъ не подкрѣпятъ. Инъ глаголетъ:

Скрытая добродѣтель мало отстоитъ отъ простаго невѣденія.

Егда ему писаніе отъ Антіпатра поднесли, въ которомъ много недобрыхъ рѣчей написано на матерь Алеѯандрову, Алеѯандръ сице рече: Мнится мнѣ, что не вѣдаетъ Антіпатръ, яко едина слеза матерьняя много листовъ почернить можетъ.

Дарій Царь Персідскій посла къ Алеѯандру Послы своя дани ради, юже

прежде на всякъ годъ отъ Філіппа Царя бралъ, Алеѯандръ отвѣща имъ: Умерла та курица, которая Дарію носила золотыя яица.

Въ день нѣкій случилось ни едину человѣку къ Алеѯандру пріити битьчеломъ о жалованьѣ, рече онъ: Сей день не считаю во иные дни государствованія моего, понеже сего дни никакой милости никому я не явилъ.

Нѣкоему отъ служебникъ рече: Иже никогда ни въ чемъ его не остерегъ, негодна мнѣ служба твоя, тойже вопроси, для чего; рече ему: Видѣлъ ты, что человѣкъ есьмь, того ради не возможно, дабы когда въ чемъ не погрѣшилъ я, а ты по се время естьли какой во мнѣ проступки не видалъ, то ты глупъ, а естьли видя молчалъ, то моимъ измѣнникомъ еси, и явнымъ льстецомъ и лицемѣромъ.

АНТІГОНЪ первый Царь Македонскій, егда ему дивилися, что учинився Царемъ, былъ свирѣпяе, а состарѣвся, бѣ великой склонности, сице на то отвѣщалъ: Въ то время надобно мнѣ было Царство, а нынѣ слава и доброхотство.

Возставъ

Возставъ иногда отъ ѕѣло великой болѣзни; сице рече: Не худо мнѣ учинилось, что болѣзнь меня остерегла, дабы я въ гордость не возносился, понеже есмь человѣкъ смертенъ.

Въ нѣкое время зимою приказалъ обозъ перевесть на такое мѣсто, гдѣ было приголодно, то занеже не по мысли было воемъ, начаша на него негодовати, что онъ путъ же въ шатрахъ сталъ.

Онъ то слышавъ, рекъ имъ: Плакать вамъ будетъ, естьли не отойдете далѣе переговаривать ѕло про меня.

Егда Аѳиняне невольника его, хотя ему угодить, приняли въ жателя, на то Антигонъ рече: Не желалъ бы того я господамъ Аѳинянамъ, дабы единъ изъ нихъ былъ отъ меня кнутомъ сѣченъ.

Тойже Царь узрѣвъ, что сынъ его съ подвластными своими жестоко поступалъ, увѣщевалъ его: Сыне или не вѣси, что наше государствованїе есть красная неволя.

Усматривалъ, что въ вольномъ государствѣ много полезно есть Государичу привлекати доброжеланїя человѣческїя смиренномудрїемъ, а не отбивкою отъ себя жестокою.

АНТІГОНЪ вторый, егда хотяше сразитися съ воины Царя Птоломея, тогда при полка́хъ не бывша, отводили, его нѣцыи отъ того намѣренія, предлагая, что больше кораблей съ воинствомъ съ противной стороны, нежели съ его, онъ же не послушавъ совѣта ихъ, отвѣща: а то вмѣсто многихъ кораблей не считаете ли, что я самъ своимъ прибытіемъ при своемъ воинствѣ.

Являя тѣмъ, яко много на томъ состоитъ, егда самъ особою своею Царь присудствуетъ на войнѣ.

Тоже, Зинону умершу, егоже паче иныхъ Философовъ почиташе, часто говаривалъ: Лишихся ужѐ зрѣлища дѣлъ моихъ.

Занеже той единъ, былъ ему за многія тысячи людей. Всѣ бо дѣла̀ на его одного разсужденіе полагалъ.

Тако подобаетъ почитать разсужденіе одного премудраго, паче многихъ малоразсудныхъ, еже и Платонъ честный Философъ, подтверждаетъ сими словесы:

Не подобаетъ намъ сего зрѣти, яко множество людей о насъ глаголетъ, но что единъ умѣяй, гораздо разсудитъ вещь, и что о насъ говоритъ, самая правда.

КІРЪ старѣйшій Царь Персідскій глаголаше, яко ни единому подобаетъ промышлять на государствованіе, развѣ бы тому, которой во всѣхъ добродѣтеляхъ первенствовалъ предъ тѣми, надъ ними же имѣетъ государствовать.

Сей Царь любилъ чистоту, того ради мало бесѣдовалъ съ женскимъ поломъ, егдаже нѣкто имянемъ Арастъ, совѣтова ему, да видится съ нѣкоею госпожею, сказывая про нее, что ѕѣло красна, отвѣща: Паче всего тоя ради вины, яко есть красна, надобно ея беречися.

Аще бо единожды послушавъ твоего совѣта, посѣщу оную, можетъ по быть, что я учащать буду, хотя и времяни на то не будетъ.

КІРУ юнѣйшему хотящу сразитися съ непріятелемъ, совѣтова ему нѣкто отъ вельможъ имянемъ Клеархъ, дабы сталъ на безопасномъ мѣстѣ за полкáми Македоскими, ненавѣтуемь тамъ, гдѣ опасно, отвѣща: Совѣтуешъ мнѣ не гораздо добро, чтобъ я объявилъ за собою то, еже не гожусь быть Царемъ.

ѮЕРѮЪ Царь Персідскій, хотящь ратовати на Грековъ, повелѣ собратись воинству своему сухимъ и водянымъ путемъ.

Узрѣвъ же, яко поля всѣ покрыли ратные люди по берегамъ и по морю, и на катаргахъ много людей бѣ къ бою, которыхъ имѣлъ тогда седьмь надесять кратъ сто тысячь, утѣшился посматривая на такіе войска, и причелъ себѣ, что бѣ щастливъ имѣяй толь много людей подъ собою.

Абіе же нача плакати, Артабанъ же дядя его и правитель почудився, откуду такая ему скорая премѣна, вопроси его о причинѣ плача; Тогда Царь повѣда: Пришло мнѣ на мысль, коль кратко житіе человѣческое, ибо отъ такова неисчетнаго множества людей, ихже нынѣ вижу, во сто лѣтъ не будетъ ни одного.

Житіе человѣческое и кратко и не надежно, яко ни утрешняго дни можетъ человѣкъ себѣ обѣщати.

АРТАѴЕРУЪ Царь, когда постельничей его побилчеломъ о непристойномъ дѣлѣ, уразумѣвъ, яко привелъ его на то нѣкій даръ, приказалъ казначею принесть столькожъ, и далъ постельничему; рекій: Возьми себѣ тѣ деньги, ибо то отдавъ тебѣ, не буду нищъ, а ежели учиню по твоему прошенію, конечно буду обидникъ.

ПИРРЪ

ПІРРЪ Царь Епіротскій, сыновомъ вопросившимъ его: Кого по себѣ хощетъ имѣти наслѣдникомъ на Царствѣ; отвѣща: Того, которой отъ васъ будетъ имѣти мечь острѣйшій.

Являя, яко на престолъ Царскій подобаетъ избирать бодраго и храбраго.

Егдаже щастіе подалось ему на войнѣ, и воинй его похвалили, называя его орломъ, онъ смиренно о себѣ мысля, сице рече: За вашимъ промысломъ есьмь орелъ, и какъ не быть мнѣ имъ, заеже оружіемъ вашимъ возносимь бываю, аки перьями.

КОТІСЪ Царь Ѳракійскій, бѣ ѕѣло вспыльчивъ, егдаже нѣкто принесе ему въ дарѣхъ много сосудовъ изрядныхъ стклянныхъ, съ любовію принялъ, и отдарилъ за нихъ, обаче видя быти вещи скудельны, перебилъ всѣ самъ до одного.

Всѣмъ же о томъ дивящимся, рече: Для того перебилъ, дабы впредь не гнѣвался я на тѣхъ, которые бы ихъ перебили.

Разумному надобно знать примѣты въ себѣ и за ранѣе то отвесть отъ себя, что можетъ на недоброе его привесть.

АМАСІСЪ Царь Египетскій, услышавъ нѣкоего плачюща по сынѣ своемъ, рече къ нему: Аще тогда ты не жалѣлъ его, егда на свѣтѣ его еще не было, а нынѣ напрасно тужишъ, егда умеръ.

КРЕЗЪ Царь Лідійскій, егда побѣди его Царь Перскій, Кіръ, и градъ его взя, узрѣвъ воевъ шатающихся по граду и грабящихъ, вопроси Кіра, что есть сіе; Кіръ отвѣща: Твой градъ плѣнятъ, Крезъ рече: Не мой, тутъ бо ужѐ моего ничего нѣтъ, а что берутъ, то все твое.

Тою рѣчью подвигся Кіръ, и удержалъ воевъ своихъ отъ грабежа.

Егда Камвісій ровнялся отцу своему Кіру, а иніи говорили, что и отца превосходитъ, Крезъ рече: По моему разсужденію не подобаетъ того равняти съ отцомъ, который не оставилъ пóслѣ себя сына.

ГЕЛОНЪ Король Сікілійскій, егда на его статьяхъ Аѳиняне положитись не хотѣли, вознося древность и честь народа своего, съ тѣмъ отпустилъ Посла ихъ, рекъ: У васъ Государей много, только не имѣете кому государствовать, а занеже хощете лучше все держать,

жать, нежели ча́сти уступить, скажите Грекомъ, что весна увяла имъ.

Являя, яко Греки не имѣша такихъ юношей къ бою прохлада ради, якоже онъ имѣ на выборъ воевъ.

ДІОНІСІЙ Король Сікілійскій вшедъ въ чертоги сына своего, и узрѣвъ тамо много сосудовъ злашыхъ и сребреныхъ обличи его, глаголя: Нѣсть въ тебѣ сыне се́рдца Королевскаго, яко по се время тѣми золотомъ и сребромъ, еже имаши отъ мене, единаго себѣ пріятеля не снискалъ еси.

Вшедъ въ капище, и узрѣвъ о́бразъ Ескулапіевъ [егоже языцы почитали вмѣсто бога врачевствъ,] съ великою брадою златою, отнялъ у него, рекъ: Не къ дѣлу Зскуляпію запущать бороду, понеже и отецъ его Аполлонъ безъ бороды пишется.

Тожже съ кумира Зевесова снялъ верьхнюю одежду золотую, и положилъ суконную, рекши: Въ золотой одеждѣ зимою студено, а лѣтомъ тяжко, въ суконной лучше, понеже и студеному и лѣтнему времяни служитъ, такожде золотыя чаши и вѣнцы, яже кумиры держали протянувъ ру́ки, аки кому подая поотобралъ; глаголя: Я не отнимаю,

маю, но что мнѣ даютъ, то беру, понеже великая глупость не брать бы у тѣхъ, что подаютъ, и у которыхъ обыкли мы просить.

ДІОНІСІЙ юнѣйшій ѕѣло любляше Філософы, но занеже бѣ мучитель, сверженъ бысть съ королевства. Егдаже вопрошаху его, аки ругаясь ему, что пособила ему Філософія; отвѣща: То пособила, что толь велику премѣну щастія удобно понести могу, иные въ премѣнѣ щастья въ отчаяніе приходятъ. Діонісій же яко бѣ не простъ, нещастіе свое со смиреніемъ понесе, и егда сверженъ бысть съ царства, имѣ школу въ Коринѳѣ, и оттуду имѣлъ пропитаніе. Тойже вопрошенъ, что яко отецъ бывъ обычнаго чину, учинился Королемъ, а онъ бывъ сыномъ Королевскимъ, королевство погубилъ; отвѣща:

Отецъ королевство свое мнѣ оставилъ, а щастія своего не могъ оставить.

АГАѲОКЛІЙ бѣ сынъ скудельника нѣкоего убогаго, егдаже ему щастіе послужило, и бысть Королемъ Сікілійскимъ, всегда къ столу приказывалъ готовить при золоченыхъ кубкахъ и кувшин-

кувшинчики глиняные, на которые посматривая говаривалъ: Прежде дѣлалъ я сосуды скудельны, а нынѣ по щастїю и моею бодростїю довольно и златыхъ сосудовъ имѣю.

Не стыдился тѣмъ, яко бѣ обычнаго чина, и бысть Король, пачеже предъ очима восхотѣлъ имѣти ту вещь, которая бы ему на память приводила его обычное рожденїе и первые труды.

АРХЕЛАЙ Царь Македонскїй, егда на пиру просилъ нѣкто его, да пожалуетъ кубкомъ, изъ котораго самъ пилъ:

Абїе повелѣ его взяти и отдать Еврїпїду человѣку ученому, сей удивлься иже кубка прошаше, рече къ нему Король: Ты достоинъ былъ просити его, и не улучилъ, а тотъ достоинъ да улучитъ, аще и не просилъ.

Есть на то разумное смотрѣнїе Вельможъ жаловать, неточїю челобитчиковъ, но и тѣхъ, иже достойни суть милости, хотя и не просятъ.

ПОРЪ Царь Iндїйскїй, егда Алеѯандръ Великїй побѣдилъ его, и вопросилъ: Како хощетъ съ нимъ поступать, и что съ нимъ сотворитъ имѣя его въ рукахъ; отвѣща:

Царски

Царски поступай со мною, и то твори, что день сей тебѣ совѣтуетъ, воньже самымъ дѣломъ ты искусился о мнѣ. Како человѣческое щастіе есть обманчиво и ѕѣло слабо, се недавно быхъ Царь, а теперь плѣнникъ.

Сія слышавъ Алеѯандръ, удивися цѣломудрію и благородному сердцу его, и возврати ему царство его, больше прибавя пространства, нежели прежде стяжа.

БРЕНЪ Король Французовъ древнихъ еще языческихъ, егда надокучилъ Римлянамъ, и къ созиданію града Римскаго ѕѣло ихъ нудяше. Римляне такое перемиріе съ нимъ учинили, хотѣли имъ дать тысячу фунтовъ злата, а ему бы отъити отъ нихъ со всемъ воинствомъ, и егда вѣсить начали злато, Бренъ Король на однихъ вѣскахъ положилъ мечь свой, дабы вѣсу прибыло. Сія видѣвъ Римлянинъ Сулпіцій, вопроси: что есть се; Бренъ сице отвѣща: Ино ничто есть, токмо безчестіе побѣжденнымъ.

ѲЕМІСТОКЛІЙ Князь Аѳинскій, егда Адімантъ отрицаяся бою на мори; рече: То де правда, тѣхъ безчестно укоряютъ,

ютъ, которые помыкаются на бой, сице ему отвѣща: И то правда, которые хоронятся отъ бою, и тѣ никакихъ почестей не сподобляются.

Сваталисъ два юноши къ дочери его, одинъ богатъ мѣлкаго разума, другой убожае, но добръ и не глупъ, онъ миновалъ богатаго выдалъ за убогаго.

Сему нѣкимъ дивившимся, рече Ѳемістоклій: Хощу лучше человѣка, которому надобны деньги, нежели денегъ, которые требуютъ человѣка.

Тоже говаривалъ, яко чиноначальники и дѣльные и храбрые люди, суть подобны древамъ яворовымъ, занеже яко во время ненастья, чернь бѣжитъ подъ древо вѣтвяно, а егда красенъ день, тогда его ломаютъ, подобно и во время опасное вси прибѣгаютъ подъ оборону начальниковъ и храбрыхъ, а егда минетъ брань, тѣхже поносятъ, и мало почитаютъ.

Се бысть и Еотѣ Воеводѣ отъ Еврей, Фокіону отъ Грекъ, Камільлю и Скіпіону отъ Римлянъ.

АРІСТІДЪ имѣ съ нѣкимъ соперникомъ своимъ дѣло передъ Сігклитомъ Аѳинскимъ, и кой часъ предложилъ дѣло, Сігклитъ тотъ часъ хотѣлъ сказать

приговоръ по Арїстидѣ, бѣ бо склоненъ къ нему, но Арїстидъ отрече, глаголя: Прошу перво послушайте противной стороны, какъ законъ учитъ.

Тойже судилъ дѣло нѣкое, а истецъ тогда выговаривалъ сопернику своему, что за очи безчестилъ Арїстида, хотя и Арїстида въ ненависть какъ привесть; сице на то отвѣща: Не вступая въ слова, о своей обидѣ говори, аще имаши что, я нынѣ сижу на судѣ твоего дѣла, а не моего.

Егда Арїстида Аѳиняне послали въ ссылку, прощаясь съ любезнымъ отечествомъ, и хотя ужѐ изъити, воздѣвъ руцѣ къ небеси, рече: дай боже, чтобъ во всемъ щастилось Аѳиняномъ, дабы никогда не помянули Арїстида.

Не проклиналъ Арїстидъ, ни мстилъ обиды своей, яко иные обыкли въ такомъ случаѣ творити, только желалъ того, чтобъ безъ него дѣло дѣлалось. Егда бо человѣка годнаго люди избудутъ, потóмъ при бѣдѣ поминаютъ, и желаютъ имѣти у себя, какъ и тѣмъ случися къ тому, что пóслѣ того въ три года Арїстида отъ изгнанїя призвали, и его начальнымъ надъ собою учинили. [Егда Царь Персїдскїй съ великимъ воинствомъ иде на Греческую землю.]

ПЕРІКЛЪ

ПЕРІКЛЪ Князь Аѳинскій, Государь премудрый и правдивый, на всякъ день возлагая на себе одежду, обыклъ самъ себѣ глаголати: Помни Перікле, яко надъ свободнымъ народомъ господствуеши.

Тойже при самой кончинѣ житія своего, рече: Не по малу о томъ веселюся, что никто отъ Аѳинянъ моея ради причины въ кручинномъ не ходитъ платьѣ.

ИФІКРАТЪ бѣ убогаго дому, ни по достоинству, но того дошолъ, что Аѳиняне выбрали его за Государя, егоже укоритель нѣкій Гармодій тѣмъ укори, отвѣща ему: Мой родъ отъ мене зачался, а твой на тебѣ скончался.

ЕПАМІНОНДЪ Князь Ѳиванскій, во время праздника, всѣмъ въ роскошь вдавшимся, онъ единъ трезво прохождаше по граду, аки бы о чемъ размышляя. Единъ же отъ Вельможъ стрѣтивъ его попросилъ: Почто тако печаленъ, и веселыя мысли не употребляетъ; отвѣща: Понеже вы всѣ пьяни прохлаждаетеся, ни откуду ничего не опасаясь. Властелину подобаетъ всегда

 быть

бышь шрезву, понеже онъ стражъ и оберегатель всего общенародія.

Егда Артаξерξъ Царь Персідскій, послалъ ко Князю Өиванскому великое число денегъ, хотя его себѣ привабить, но Князь не восхотѣ отъ него пріяти, и такъ къ нему донести приказалъ. Аще Царь доброжелателенъ общенародію Өиванскому, то и такъ будетъ меня имѣти друга, а ежели инако, то непріятеля.

АННІБАЛУ Князю Карөагенскому бывшу у Царя Антіоха, показа ему Царь своя воины ѕѣло стройны, Аннібалъ же гораздо всему присмотрѣся. Вопросилъ его Антіохъ, довольно ли сего воинства на Римлянъ; Аннібалъ рече: Такъ чаю, что будутъ имѣть довольно, хотя тѣ Римляне суть люди и ѕѣло прихотливы, но воистинну ненасытны.

Возвѣщія, что оружіе златое и сребряное больше манитъ непріятеля къ себѣ, нежели устрашаетъ.

ТІРЕЗЪ Князь Кельтіцкій, егда Сціпіонъ Афріканскій плѣнивъ Алтіберсовъ, взялъ стольный градъ Нумантію, вопроси его: для чего прежде сего Нумантія была сильна, а потомъ такъ ослабѣла,

бѣла, что въ чужія руки пришла; отвѣщалъ: донелѣже миръ среди Нумантянъ цвѣлъ, дотолѣ и побѣду имъ давалъ, а какъ вражда межъ ними учинилась, тогда пришли въ пагубу.

Всякое государство ничемъ такъ скоритъ къ паденію, яко враждою и расторженіемъ, еже знаетъ надъ собою Греческая земля, Венгерское королество и иные государства.

СЦІПІОНЪ старѣйшій Воеводѣ Римскому плѣнившу новую Карѳагену, привели воини его ѕѣло прекрасну дѣвицу, хотя тѣмъ ему угодити, но не восхотѣ ея отъ нихъ пріяти, глаголя: ѕѣло бы я радъ ее принять отъ васъ, естьли бы рядовымъ человѣкомъ былъ, а не Воеводою.

Егда на него Петілій и Квінстъ жестоко предъ всѣмъ сигклитомъ доводили, и много обличали, ничего не похотѣлъ на ихъ жалобу отвѣщать, токмо рече: Въ сій день господа Римляне побѣдили Аннібала крѣпкаго непріятеля и Карѳагену, сего ради воздѣвъ на себя вѣнецъ, иду въ крѣпость Капітолійскую, жертву принести Зевесу верьховному, аще ли кто хощетъ на мнѣ искати, да ищетъ. И тако не

 дослу-

дослушавъ тѣхъ, что на него доводили, шелъ въ Капитоліумъ, надѣясь на великіе свои службы, общенародію явленные, и абіе вмѣсто жестокости суда улучилъ, что вси ввели его съ великою радостію въ крѣпость, и вмѣсто еже подобаше ему смиритися, занеже много жалобъ было, онъ ихъ ни во что вмѣняя, а свои первыя великія службы явѣ предлагая, торжествовалъ, и доводчиковъ уничтожилъ.

ПОМПЕЙ Великій, егда Царь Пареской домогался чрезъ своихъ Пословъ, дабы извѣстнымъ рубежемъ государства Римскаго, была рѣка Евфратъ, сице на то реклъ: Паче о томъ было просить, дабы Римское государство отъ царства Пареянамъ удѣлило правды.

Являя, что Римляне только пристойности смотрѣли, а къ разпространенію государства ничто имъ помѣшкою быть не могло.

Тогдаже великой дороговлѣ бывшей въ Римѣ, и ужè наступающу гладу, хотя споможеніе учинить отечеству, отъиде водянымъ путемъ въ Сардінію и въ Сіцілію, и собравъ тамъ множество хлѣба, спѣшилъ въ Римъ, а какъ корабленники великихъ ради обуреваній мор-

скихъ не хотѣли ѣхать. Помпей единъ пустился съ кораблемъ своимъ, рекъ, великая нужда гонитъ насъ къ тому, чтобъ ѣхали, а чтобъ здравія берегли, къ тому насъ ничто не нудитъ.

Подобаетъ лучше беречь здравія отечествія своего, паче своего притоманнаго.

МАРКО ТУЛЛІЙ ЦІЦЕРОНЪ. Сенаторъ Римскій, первый вѣтія государства Римскаго, егда Метелльлій обличи его, что больше людей погубилъ свидѣтельствомъ своимъ, нежели оборонилъ краснословіемъ своимъ, симъ образомъ отвѣщалъ ему: Тако есть, занеже больше почитаю вѣрность, нежели краснословіе.

Свидѣтелю приличина незыблема вѣра, а настоятелю краснословіе.

Обычай бѣ Римляномъ на всякъ годъ выбирать отъ себя двухъ въ верьховные начальники, кромѣ Діктаторъ, иже все правленіе государства Римскаго на себѣ имѣли, случися яко нѣкій Каній на тотъ чинъ бѣ избранъ, но токмо на немъ былъ всего день единъ, и Ціцеронъ бывъ человѣкъ дворный, сице о немъ рече: Воистинну Канія имѣли мы правителя ѕѣло бодра, у котораго во все время правленія его, не постигъ сонъ очей его.

Въ тожже чинъ егда избранъ былъ Ватіній, а не долго былъ, токмо дней нѣколико, Цiцеронъ такъ рече: Немалое чудо сотворися въ лѣто Ватiніево, что при правленіи его ни зимы, ни весны, ни лѣта, ни есени не было.

Нѣкіе рѣчи полезные изъ книгъ его выбраны.

Всякая доброта на дѣлѣхъ состоится.

Что земля родитъ, то все во употребленіе человѣческое.

Война не для инаго чего надобно начинать, только чтобъ люди мирно и правдою послѣ жили.

Паче свободы и великаго смысла ничто есть естеству человѣческому.

Приличняе намъ таковыя свободы употребляти подобаетъ, которая бы пріятелемъ была пріятна, а никому не вредила, да и свобода не больше бы силы была.

Что кому належитъ, тѣмъ ему платить, есть основаніе правды: ничто же поистиннѣ честно, естьли неправедно.

Отъ всякаго товарыщства нѣтъ ни единаго крѣплщаго и надежнѣйшаго, точію, егда мужіе добріи единомысленныхъ нравовъ сообщеніемъ связаны.

безъ

безъ брани на общую пользу приводить потребно того, и опасати надобно, чтобъ наказанїе было не больше провинки, и гнѣвъ запрещаемъ есть, наипаче при наказанїи.

Тїи судїями быть достойни, иже не гнѣвомъ, но правдою дѣла̀ дѣлаютъ.

Велика сила правды, ибо и воры межъ собою держатся частицею правды, и естьли бы здобычь неправдою дѣлали, то другъ друга до смерти убилъ бы.

КАТОНЪ Керсонїй повѣда, что человѣкъ разгнѣванный, ничемъ разнится неистоваго, только тѣмъ, что неистовство долѣ держится, нежели гнѣвъ, того ради и Орацїй наричетъ гнѣвъ краткимъ неистовствомъ.

Ярость есть бѣснованїе краткое, тѣмъ ты сердце твое удержи, аще хощеши не быть въ неволѣ у нее.

Тоже Катонъ отъ всѣхъ своихъ дѣлъ, что во все житїе свое дѣлалъ, трехъ только вещей жалѣлъ:

1.) Что тайну женѣ иногда повѣрилъ.

2. Что тамо водою ѣхалъ, гдѣ мочно сухимъ путемъ ѣхать.

3. Что единъ день всуе прожилъ.

Повѣсти его:

Общее добро лучше нравами, неже одеждою и оружїемъ тѣло соблюдено быти имѣетъ.

Сенаторамъ своимъ сказывалъ: Разумно совѣтуйте, да своими трудами что доброе и полезное здѣлаете, трудъ бо скоро отъ васъ отступитъ, а что доброе сотворите, то при васъ до смерти останется.

Четыре вещи суть потребны къ соблюденїю общаго добра, се есть, добро творити, добромъ поступати, добродѣтельно питати и добрѣ орати.

МАРСІЙ Воевода римскїй тысячу Камериновъ, иже Храбро съ Кїмбрами бились, почтилъ тѣмъ, дабы тойже вольности употребляли, которой и римляне, а въ то время въ велико то почитали быть римляномъ. Егда же нѣкїе о томъ вознегодовали, что то выше закона ихъ сотворилъ Марсїй, рече: Я нынѣ за громомъ ружья не могу слышать голосу законовъ, древняя пословица: въ войну молчитъ судъ.

МАРКО Курцїй егда улучилъ побѣду надъ Самнитяны, послали они къ

нему

нему Пословъ, посылая ему въ дарѣхъ много злата.

Онъ же не восхотѣлъ принять, давъ таковъ Посламъ отвѣтъ: Лучше государствовати надъ тѣми, которые имѣютъ злато, а не златомъ владѣть.

ПАВЕЛЪ Емилій честенъ Воевода Римскій, вшедъ въ Македонію, и видѣвъ полки неприятельскіе въ строю стоящіе, не восхотѣлъ сразитися.

Егдаже товарыщъ его языка совѣтовалъ ему, да ударитъ на неприятеля, Емилій тако рече: Учинилъ бы я, естьли бы былъ въ тѣхъ лѣтѣхъ, какъ ты

Но занеже бывалъ я на многихъ бояхъ, научился тому, что съ людьми на пути утружденными, ударить на свѣжихъ людей ѕѣло не дѣльно.

Тотъ Емилій былъ господинъ щедрый, егда ему Греки дивились, что великимъ довольствомъ обыклъ пиры чинить для своихъ.

Сице рече къ нимъ: Обое се доброму Воеводѣ прилично, и полки умѣть устроить на бой, да будетъ страшенъ неприятелю, и пиръ чинить для своихъ, дабы имѣлъ любовь отъ всѣхъ.

МАРКО Лївій, егда порази Аздрувала Князя Карѳагенскаго, совѣтовалъ ему нѣкто, дабы до основанїя вся вои Карѳагенскїе избилъ, чтобъ ни нога не ушла, онъ не прїявъ совѣта ихъ, рекъ: Пусть иные живы останутъ, которые о побѣдѣ нашей надъ ними непрїятелямъ возвѣстятъ.

Кто языкомъ много шурмуетъ,
Тотъ не много навоюетъ.

ПАРМЕНIОНЪ Воевода Фїлїппа Царя Македонскаго, егда много грековъ собравшеся предъ полаты Царскїе, Царю въ день въ чертогахъ почивающу, негодовали, что скоро къ Царю не допущены для его покоя.

Сице его предъ ними оправдалъ: Не дивитеся, что теперь спитъ Царь, занеже егда вы спали, онъ тогда за васъ на сторожѣ былъ.

КНИГА ТРЕТІЯ,

ВЪ НЕЙЖЕ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ

ПОВѢСТИ ЛАКЕДЕМОНСКІЯ.

Лакедемоняне [Донелѣже Греческая земля стояла,] всѣхъ въ вітійствѣ превосходили, и тому обучалися, дабы краткими словесы, много дѣла заключати могли, разумѣя, что не тако общенародія долгія рѣчи красятъ, яко честныя дѣла, сего ради мало говорили, а много дѣлали. Тѣмже иныхъ народовъ храбростію, мѣрностію, воздержаніемъ и иными изрядными примѣты превосходили.

ИХЖЕ ПОВѢСТИ СІЯ СУТЬ:

ЛІКУРГЪ [иже законы Лакедемоняномъ предаде, и вся во общенародіи устроилъ,] вопрошенъ, чего ради обычными вещьми жертвы творити повелѣлъ; отвѣщалъ: Дабы намъ всегда становилось того, чемъ бога хвалить.

Тойже, егда хотѣли отъ него увѣдать, почто въ уложеньѣ запретилъ, дабы Лакедемоняне подъ башню къ приступу не ходили; сказалъ: Дабы люди храбрые

храбрые отъ бабъ или отъ малаго робенка убиты не были.

Вопрошенъ: Для чего уставилъ, дабы дѣвицъ безъ приданаго давали; отвѣща: дабы въ нищетѣ ими не гнушались, ни для животовъ лишнее ихъ брали, но на учтивые ихъ нравы смотрѣли.

АГЕСІЛАЙ Царь Лакедемонскій вопрошенъ, какъ бы Государь не держа великихъ полковъ людей, моглъ владѣть безопасно; отвѣщалъ: Ежели такъ поступать будетъ съ подданными, какъ отецъ съ дѣтьми, ибо добрый владѣтель не разнится отъ отца.

Вопрошенъ: Чего ради общенародіе Лакедемонское паче иныхъ цвѣтетъ; отвѣща: Понеже больше въ томъ Лакедемоняне обучаются, дабы и повелѣвати и послушными быти умѣли.

Тойже вопрошенъ: Како бы человѣкъ у людей моглъ имѣти добрую славу; отвѣщалъ: Аще бесѣдовать станетъ о добрыхъ дѣлахъ, а дѣлать начнетъ что лучшее.

Тотже Агесілай обыклъ глаголати: чиноначальнику подобаетъ противу упорныхъ употреблять жестоты, а ко смиреннымъ являть милость.

Тотже

Тотже вопрошенъ: Что доброму Воеводѣ подобаетъ имѣти; отвѣща: Дерзость противу непріятеля, и смотрѣніе въ томъ, какъ ударить на него.

КІКЕРОНЪ рече: Доброму Воеводѣ подобаетъ имѣти ученіе воинское, храбрость и щастіе.

На войнѣ Левктрцікой егда многи Лакедемоняне бѣжали съ бою, а таковымъ по уставу надобно было казненымъ быть, Сvгклітъ Лакедемонскій усматривая, что служивые люди после того великаго побоища зѣло надобны были, хотѣлъ въ томъ ихъ простить, только чтобъ уложенія не поколебать. А понеже въ то не могли угодити, опредѣлили Агесілаю новые уставы уставить, но Агесілай рече къ Сvгкліту: Къ тѣмъ, яже имате, ни прибавить, ни убавить, ни премѣнить ихъ думаю, однакожъ вижу то быть съ прибылью общенародія, дабы тѣ уставы отъ утрешняго дни всегда при своей силѣ соблюдены были. Сице премудрый Государь нуждѣ рѣчи посполитой угодилъ, и уставы въ цѣлости соблюлъ.

Тойже Агесілай, егда уже бѣ близъ смерти, повелѣ, дабы по смерти

его

его ни единаго кумира въ память его не ставили, сице рекъ: Аще что доброе въ житіи моемъ я сотворилъ, будутъ памятовать, аще же ничего, то хотябъ премного наставили образовъ, не учинятъ того, дабы была славна память моя.

Древніи язычницы въ память людей честныхъ, ученыхъ или храбрыхъ ставили изрядные о́бразы, оттуду столпы, которые еще и доднесь во Египтѣ, въ Римѣ, въ Царѣ градѣ стоятъ, но Царь Агесілай возмнѣлъ, что лучше человѣкъ быти можетъ въ памяти человѣческой честными дѣлами, неже такими кумирами.

АГІСЪ Царь, егда хотѣлъ сразитися съ непріятелемъ, мнози претили ему, показуя, что много больше людей съ противной стороны, нежели у него, но онъ совѣта ихъ не послушалъ, рекъ: Надлежитъ тому противъ многихъ ополчатися, иже хощетъ быть многихъ людей Государемъ.

Во общенародіи Лакедемонскомъ были таковы чиноначальники, до которыхъ и отъ Царя вольно было переносить дѣло, которыхъ и самъ Король повиненъ былъ слушать, тіи зовоми

были

были Ефоры. Егда же того Агія по своей власти тѣ Ефоры послали Посломъ къ Філіппу Царю, единъ точїю къ нему иде.

Сему Царь Філіппъ удивлся, рече: Что таково дѣется, что единъ ты точїю пришелъ; Агій отвѣща ему: Единъ прїидохъ, понеже къ единому тебѣ прїидохъ.

АЛКМЕНЪ вопрошенъ: Какимъ бы образомъ кто моглъ какъ лучше утвердить свое государствованїе; отвѣща: Ежели на посулы кто не будетъ падокъ.

Мѣсніане, занеже Лакедемоняномъ правды не додержали, и часто отъ нихъ отрывались, Лакедемоняне зѣло ихъ утѣсняли, а поистиннѣ невольничье иго на нихъ возложили, дабы впредь изъ подпослушанїя не выбывались. Сему цѣльбы они искавъ, послали Алкмену Царю Лакедемонскому дары немалые, ихже онъ не хотя отъ нихъ прїяти.

Вопрошенъ: Для чего такъ дѣлаетъ; отвѣща: Естьли бы отъ нихъ взялъ подарки, то бы со уложенїемъ общенародїя миру имѣти не моглъ.

АНАѮІНДРІДЪ вопрошенъ: Почто судьи Лакедемонскїе долго сѣдя думаютъ о смер-

о смертной кому казни, и хотя судъ не найдетъ виннымъ, отвѣтчикъ однако у суда стать долженъ; отвѣща: Для того долго разбираютъ, естьли бы въ немъ нѣчто погрѣшили, ужѐ бы исправитись не могли, а отвѣтчикъ въ судѣ стать долженъ, для того, по времяни либо можетъ что на немъ объявитись знатное.

Тѣмъ времянемъ и тому предварено, дабы не винный смерти не дошелъ, а винной бы не выкрутился.

АНАУАНДРЪ вопрошенъ: Для чего Лакедемоняне не збираютъ денегъ въ казну; отвѣща: дабы не портились тѣмъ люди, которые казначеями будутъ.

АНТАЛКІДЪ вопрошенъ, какъ бы всѣмъ людемъ угоденъ былъ; отвѣща: Инако не угодить, токмо егда въ рѣчахъ своихъ все ласковыхъ словъ употреблять будетъ, а то дѣлать станетъ, что есть полезнѣе.

Кто хочетъ имѣти милость, долженъ таковыхъ словъ употреблять, а всегда себѣ прибыли искать.

АРХІДАМІДЪ услышавъ нѣкоего, иже хулитъ Гекатa Вітію за то, что на

бесѣдѣ въ рѣчь не вступалъ, отвѣща: Не вѣсили яко умѣяй ученіе витійственное, умѣетъ и время избирать, когда говорить.

Искусному человѣку время говорить на консиліи, въ Сунклитѣ, на сидѣніи при судахъ, а на бесѣдахъ, идѣже всѣ говорятъ, а никто не слушаетъ, лучше молчать или мало вѣщать.

АРХІДАМЪ сынъ Агесілаевъ, егда ему отъ Філіппа Царя Македонскаго, послѣ славной баталіи, бывшей подъ Херонією, принесли листъ грозенъ и жестоко писанъ, отвѣща: Егда стѣнь твою измѣриши, ни коими мѣрами не найдешъ, чтобъ была больше, токмо какова и предъ побѣдою.

Являя: Яко не подобаетъ надѣятися о томъ, егда щастіе послужитъ, понеже ѕѣло отмѣнно.

Ибо щастіе аки стекло, аще и свѣтло, однакожъ крушится.

Въ государствѣ Лакедемонскомъ такое чиноначаліе бѣ нарицаемое ефорія, что и Королямъ естьли бы выше устава занеслся, не наровили, но отъ престола отставливали и во изгнаніе посылали, тоже егда досталось и ДЕМОКРАТУ вопроси его нѣкто: Почто изгнаніе тер-

пить, бѣ бо Король, на сїя онъ реклъ: Того ради, что въ Лакедемонскомъ общенародїи силу имѣютъ законы больше Короля.

Тойже Демократъ вопрошенъ, хотящїи изъити на брань, почто прежде приносятъ жертву музамъ, а музамъ нѣчего дѣлать съ Марсомъ; такъ то вывелъ слово: Того ради се творятъ, дабы честная память о ихъ храбрости и великихъ дѣлахъ ихъ слыла.

Музы людемъ храбрымъ сутъ въ красоту, занеже ихъ храбрость и доблесть письмами своими славны у наслѣдниковъ творятъ, и того ради у древнихъ Князей и Воеводъ храбрыхъ и у иныхъ людей, ученые люди въ великой чести были, иже добродѣтели и дѣла великїя людей достойныхъ въ письмахъ своихъ хвалить, и ихъ безсмертною славою дарить обыкли, таковїи велїими дарами одарени бывали, ибо за одну рѣчь Сократу Вїтїѣ дали полъ 3000. червонныхъ золотыхъ.

ГОРГЇЙ Леонтинъ такъ отъ ученїя своего обогатѣ, что отъ злата одного вылилъ свой образъ величиною каковъ самъ, и поставилъ въ Дельфѣ.

ѲЕО-

ѲЕОПОМПЪ услышавъ нѣкоего глаголюща: Для того де общенародіе Лакедемонское долго стоитъ, что Цари ихъ умѣютъ повелѣвати.

На сіе сице имъ сказа: Наипаче для того, что жители того народа умѣютъ Государемъ своимъ послушаніе творить.

ТЕКТАМЕНЪ, егда Ефори, верьховный судъ Лакедемонскій, своимъ приговоромъ осудили на смерть его, иде отъ суда смѣясь.

Нѣктоже отъ непріятелей его, вмѣняя то себѣ въ обиду, рече: Еще ли ругаешъ законы Лікурговы; отвѣща: Ни, но смѣюся тому, что такую вину сказали мнѣ, которую заплатить могу ни у кого не займуя.

ІППОКРАТЪ, егда совѣта просилъ Епархъ Карій, что ему съ такимъ Лакедемоняномъ творить, которой вѣдая о измѣнѣ на него творимой, не остерегъ его, тако отвѣща: Естьли имѣлъ отъ тебя благодѣянія великія, и за то тебя не остерегъ, смертію казни, а естьли не имѣлъ, изъ своей страны изгони, яко несмѣющаго добро сотворити.

КЛЕОМЕНЪ, егда къ нему пришли Послы отъ Самїовъ, и долгую рѣчь говорили совѣтуя, дабы воздвиглъ войну на Поліграта.

Тако имъ отвѣща: Что вы въ началѣ вашей рѣчи говорили, того не помню, а что среди рѣчи предложили, того не разумѣю, а что сказали на концѣ, то мнѣ не прилично дѣлать.

Продолженная рѣчь трудитъ умъ человѣчь, всему красота мѣрность.

Нѣкто мудрецъ разсказывалъ предъ Клеоменомъ о храбрости, онъ же тому посмѣялся, рекшу же мудрецу къ нему: Что смѣешися слушая о храбрости, тебѣ бо яко Царю прилично такими рѣчьми забавлятися.

На сїе отвѣща: Для того, естьли бы о той вещи бесѣдовала ластовица, смѣясь бы тожъ сотворилъ, а ежели бы о томъ разсказывалъ орелъ, то его съ великимъ прилѣжанїемъ слушалъ бы.

Показалось ему не дѣльно, чтобъ тотъ разсказывалъ о храбрости, кто не бывалъ на войнѣ.

Говори корабельникъ о вѣтрахъ, оратой о быкахъ, считай воинъ раны, а пастухъ овцы.

ЛЕОНТІХІДЪ вопрошенъ, какъ бы человѣкъ свое имѣніе моглъ соблюсти; отвѣща: Такъ соблюдетъ, естьли не все будетъ вѣрить щастію.

Весьма бо надѣятися на щастіе опасно, ибо часто обманываетъ.

богатые купцы желая большихъ богатствъ, и все ввѣря кораблю въ нищету приходятъ.

ЛЕОНЪ вопрошенъ, въ коемъ общенародіи безбѣдняе жить; отвѣща: Гдѣ все въ равнѣ и правда сильна, а неправда слаба.

ЛЕОНІДЪ сразитися имый съ Персяны, ихже бѣ веліе число воинства, рече ему нѣкто отъ воевъ: Толико множество воевъ Перскихъ, яко отъ стрѣлъ ихъ и солнца не будетъ видѣть, на сіе рекъ: Что же дѣлать, то намъ лучше, что съ ними битца будемъ въ холоду а не въ жару.

ЛІСАНДРЪ вопрошенъ: Кое ему общенародіе лучше показалось; отвѣща: Гдѣ храбрымъ воинамъ належащее мздовоздаяніе творятъ, а не дѣльнымъ какого достойни.

Общенародіе тѣмъ больше цвѣтетъ, егда люди достойные суть въ почитаніи и доброе воздаяніе пріемлютъ, а бездѣльники небрегоми бываютъ.

Изрядный філософъ Платонъ, дабы людіе къ честнымъ дѣламъ жалованіемъ и воздаяніемъ изъ млада взыскиваны были, учитъ сице пиша:

Иже суть отъ юношей лучшіи въ воинскихъ дѣлахъ, или во иныхъ какихъ, таковіи жалованіемъ быти почтени имутъ.

НАМЕРТЕСЪ вопрошенъ: Какъ бы отвсюду оградивъ себя пріятельми могъ искусить, имать ли друга вѣрна; отвѣща: Всего лучше всякъ искуситъ друга вѣрна во время нещастья.

Егда щастливо поведеніе кому, не знатно, кто другъ непремѣнной и кто времянной, но кой часъ нещастье приключится, тогда знатно постоянство дружне. Того искусився Овідій на многихъ мѣстахъ негодуетъ на нѣкоего не додержавшаго дружбу.

Егда время кому служитъ, и лице свѣтло являетъ.

Тогда всякъ тому главу преклоняетъ.

Сему минувшу, аки бы не знали,

Бѣгутъ прочь, и иже кому предстояли.

Во благо время мнози друзи бываютъ,
А въ безвремянство и свой отбѣгаютъ.

ПАВСАНІЯ, егда нѣкоторые изгнанные изъ Аѳинъ, вели его къ тому, дабы войну поднялъ на Аѳинянъ и свое безчестіе отмстилъ, учиненное тому на играхъ Олімпійскихъ, того совѣта ихъ не послуша, рекъ: Аще мнѣ то сотворили, егда съ ними добромъ поступалъ, чаетели ихъ мнѣ доброжелательныхъ быть, аще имъ ѕло кое сотворю; Осемъ писано: благоразумнаго то дѣло, еже бы не вредить никого, аще и сила ему есть.

ТЕЛЕКРЪ вопрошенъ: Чего ради у Спартянъ хранится то, еже бы юніи старому человѣку честь воздавали; отвѣща: Дабы обыкли почитать родителей своихъ.

Ибо въ судъ такова вольно было приволочь, кто бы младъ былъ, шапки не снялъ, или не всталъ предъ старѣйшимъ, за что и наказаніе воспріимали.

Тѣже ЛАКЕДЕМОНЯНЕ, егда пріимше верьхъ надъ Аѳиняны, градъ ихъ плѣниша, просили Аѳиняне, дабы единъ островъ точію рекомый Самосъ при нихъ оставили, на сіе отвѣщали: Не дѣльно

сїе творите, что сами вы не въ своей власти, а иныхъ подъ своею властїю имѣти хочете.

Нѣкто отъ Лакедемонянъ на бою догоняя раздвоенныхъ непрїятелей; въ единомъ изъ нихъ хотѣлъ мечь утопить; при семъ затрубили на отворотъ; онъ же услышавъ удержалъ мечь свой, нѣкимъ же сего зарѣвшимъ; что имѣя непрїятеля въ рукахъ; не убилъ его; на сїе отвѣща; Лучше конечно быть послушну предъ Воеводою; нежели непрїятеля убить.

У древнихъ Римлянъ жестокое бѣ ученїе воинское, яко дерзнувый что лишше артикула воинскаго и Воеводскаго повелѣнїя, аще бы и велїю храбрость явилъ, обаче жестоко наказанъ; а иногда и смертїю казненъ былъ.

Единаго времене во Аѳинѣхъ дѣйствуемой комедїи, единъ старикъ хотя оныя посмотрить, пришедъ къ ѳеатру искалъ мѣста; гдѣ бы моглъ сѣсть; что видя Аѳиняне; разсмѣялися ему, и ни единъ ему мѣстомъ поступился; онъ же сѣмо и овамо ходя; прїиде къ мѣсту; идѣже сидѣли Послы Лакедемонстїи; и тїи предъ нимъ восстали и съ честїю прїяли къ себѣ; что весь народъ похвалилъ.

При

При семъ единъ Лакедемончикъ старшїй отъ оныхъ Пословъ, рече: Въ правду господа Аѳиняне видятъ, что есть добро и честно; но не творятъ.

ЛАЦЕНА послала сына своего на брань, и услышала, что онъ убитъ, рече: Того ради родихъ сына, дабы за отечество свое не боялся главы своей положити.

Лакедемончикъ вопрошенъ: Почто взялъ жену ѕѣло малаго возраста; рече: Того ради, что отъ двою ѕлу избирая, лучше избрахъ меньшее ѕло.

Симъ показа, яко диво на свѣтѣ жена добрая.

РЕЭСТРЪ
ПО АЛФАВИТУ
людей мудрыхЪ и рѣчей ихЪ.

Архесілай

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ермісъ

Марко

Н.

О.

П.

С.

Т.

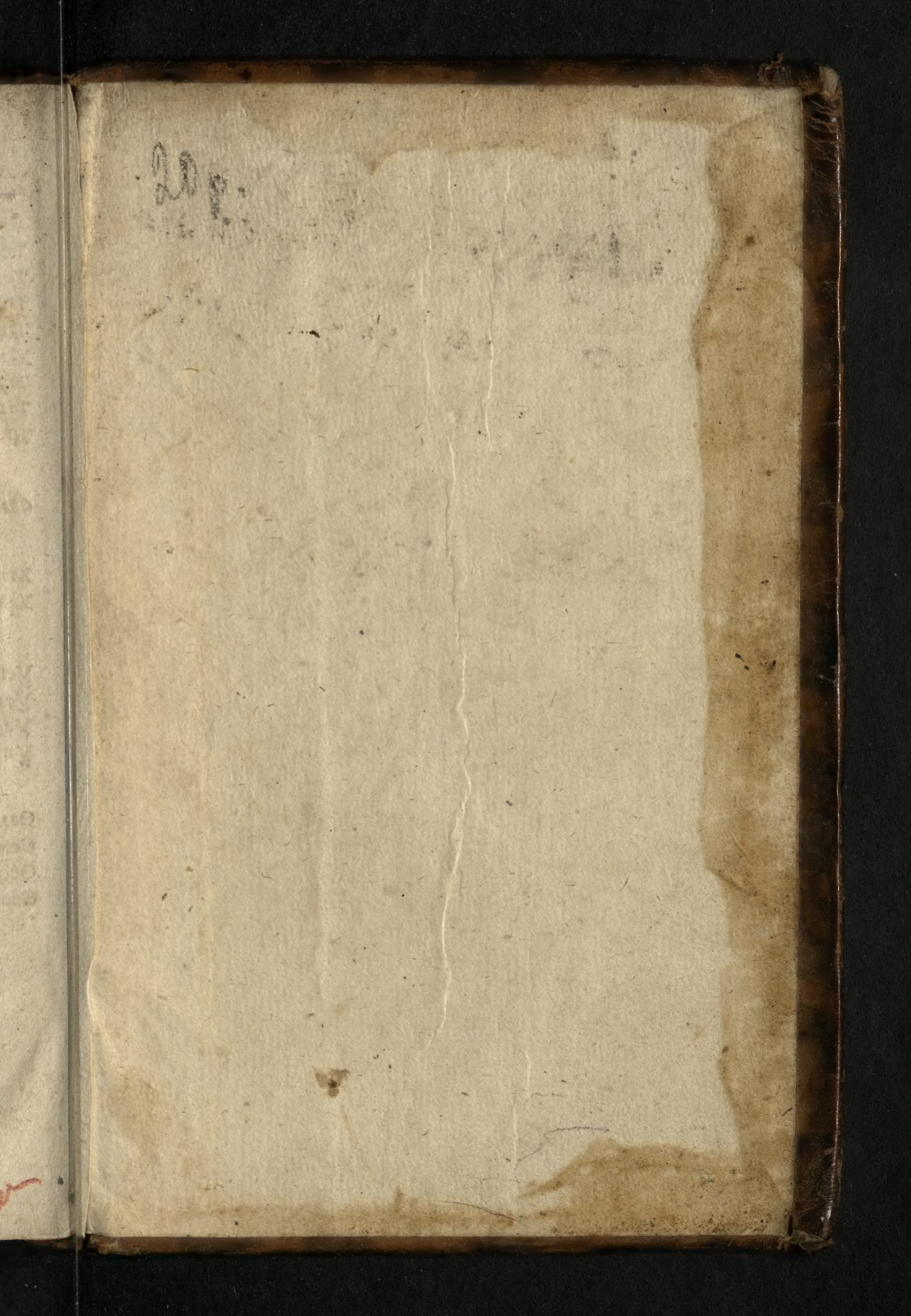
Ф.

Х.

Ѯ.

Ѳ.

20 f.